

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

*Ночной
снайпер*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Ночной снайпер

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Ночной снайпер / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Один за другим гибнут от выстрелов снайпера, и главным образом по ночам, помощники известного своими скандальными разоблачениями депутата Госдумы. Наконец, едва не становится жертвой и сам депутат. И тогда за расследование этого дела берется Александр Турецкий, шаг за шагом прослеживающий хитроумную комбинацию, задуманную бывшими сотрудниками спецслужб.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	17
4	22
5	27
6	32
7	39
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фридрих Незнанский

Ночной снайпер

Часть первая

1

Леха Корнеев – высокий, угловатый парень лет двадцати двух, с густой шапкой коротко остриженных русых волос – полночи ждал этого осторожного, предупредительного стука в дверь своей камеры-одиночки с последующим лязгом засова. Об этом, как и в прошлый раз, его предупредили заранее. Он посмотрел на часы. Два часа ночи. Нормально, вообще говоря. Он и не спал, а так, вздремнул малек в ожидании.

– Собирайся! – строго и негромко сказал контролер Гена Михайлов, недавно поступивший сюда на службу, – плечистый, невысокий, накачанный малый в форме, из-под которой выглядывал десантный тельник.

– С вещами? – подмигнул ему Корнеев, не поднимаясь с койки.

– Вещи оставишь здесь, – серьезно и еще тише сказал Михайлов и вошел в камеру, прикрыв за спиной дверь. – Первый раз, что ли?

– Я все жду, может, на допрос? – Корнеев криво усмехнулся. – Чтоб как в тридцать седьмом году. Говорят, тогда только по ночам допрашивали... Слушай, а сегодня вроде не твое дежурство?

– Корней, не залупайся. – Гена протянул ему знакомый пузырек глазных капель «визин». – Сам все знаешь – зачем и на какой «допрос». Вставай! Времени нет на твои приколы... На, только быстро!

– Не здесь, начальник, – покачал головой Корнеев, поднялся, сунул пузырек в карман. – Тебе же говорили! Лучше за полчаса до еды. Врачи рекомендуют.

– А у тебя только и есть эти полчаса, – сказал Михайлов и тоже посмотрел на часы. – Нет, уже меньше... Ладно, без разговоров, собирайся и не тяни... не торопись, но и не тяни.

– Намек понял, – потянулся, зевнув, Корнеев. – Полночи не спал. Хоть бы днем давали поспать... Ладно, Гена, по капле здесь и еще по одной по прибытии на место.

Михайлов с минуту смотрел, как Корнеев, запрокинув голову, закапывал в оба глаза «визин».

Через минуту они вышли из камеры в гулкий, полутемный коридор тюрьмы. Корнеев привычно сложил руки за спиной, сразу двинулся направо, уже зная, куда идти. Они шли мимо дверей тюремных камер, откуда доносились привычные ночные, слабо различимые звуки, вроде вскрика во сне, храпа или бормотания.

Когда вышли во внутренний двор, где стоял ментовский «уазик», Михайлов чуть отстал, пошел сзади, контролируя. В первый раз, когда произошла подобная ночная вылазка, Корнеев, заметив открытые ворота, оттолкнул его, бросился к «уазику», вышвырнул из кабины водилу и даже успел врубить скорость. Михайлов достал его в прыжке, схватившись за дверцу, и точно так же выкинул его из кабины туда, где корчился на асфальте водила. Здоровенные, как кабаны, мужики в штатском, сидевшие в кабине другой машины, опомнились, подбежали к Корнееву, принялись было его топтать, но Михайлов на них прикрикнул: голову и пальцы не трогать! Потом сам оттащил Корнеева в сторону, велел его осмотреть на предмет телесных повреждений. Главное, чтобы целы были руки и голова. И только после осмотра и перевязки Корнея вывезли из тюрьмы на дело – связанного и забинтованного...

Была сырая ночь, какая бывает только в конце октября. И полная тишина, какая бывает только глубокой ночью. Этой работенки на мой век хватит, думал Корнеев, идя через двор к уже знакомому «уазику» с проблесковым маячком. Особенно после того, как решили прибиться к Европе и наложили мораторий на смертную казнь (больно нужны мы им там...). Тут такие, как я, и стали востребованы. Если, конечно, вести себя по-умному. А до этого, бывало, казнили по суду кого надо. На однокашника Коляна Сыромятина вот так же, говорят, мокроху повесили. Ночью ствол ему подбросили в подъезде, а он, дурила, его поднял... Не знал, конечно, что его только что использовали на соседней улице. А ствол, говорят, был еще теплый... Но поднимать-то его зачем? Да еще домой тащить? Ну и свидетели с понятиями сразу нашлись. И ствол при обыске отыскали. А суд с ходу приговорил к вышке. У них это быстро... Те, кому надо, одним выстрелом двух зайцев, в смысле двух жмуриков, одновременно поймали. Одного по понятиям, другого по закону. А тут государство родное в роли мокрохуника выступило... Оно – самый эффективный киллер, уже не помню, кто сказал. Никогда не промахнется. У придурков век недолгий.

А он, Корней, в первый раз именно как придурок себя повел, когда вот так же за ним приехали. Решил, что везут его в последний путь. Потом только дошло, что для этого не обязательно куда-то далеко возить. Можно было просто кинуть в общую камеру, где сидят ссучившиеся. Они и организуют самоубийство через повешение на собственной портянке, за что им скинут по паре годков, как за примерное поведение. Такие камеры теперь появились в каждой тюрьме. Особенно после объявления моратория. Тамошние сокамерники моргалы выкачают, когда менты для понта начнут дознаваться: как, мол, так, неужто сам взял и повесился? Мол, ты че, в натуре, гражданин начальник? Все спали, согласно заведенному режиму, никто ничего не видел, не слышал. Сами, начальник, не врубимся, как он так взял и, типа, повесился на лампочке Ильича. И, слышь, даже записки никакой не оставил, мол, никого в своей смерти не виноватит...

Прежде чем сесть в машину, он оглянулся на Михайлова, смотревшего вслед. Понятное дело, страхует на всякий случай. Неужто специально для него, Корнеева, Михайлова взяли на эту службу? И еще заставляют дежурить вне очереди? Другие прежние контролеры – сявки, бакланье, марухи, фраера... один чище другого. А этот – Рембо местного разлива. Значит, уже есть чем нам гордиться, будет что рассказать внукам на старости лет, если доживем... Он взглянул на темные окна тюрьмы. Да кто и что увидит, даже если сейчас и посмотрит при тусклом свете фонарей? А увидит – что подумает? Ну, повезли еще одного бедолагу на Пресню, на пересылку, первый раз, что ли.

Пока ехали по ночной Москве, Корнеев задремал, чувствуя тепло грузных туш, стиснувших его с двух сторон на заднем сиденье. Поспать перед такой работой – самое то.

Если раньше его оба раза вывозили куда-то из Москвы, то сейчас они заехали, судя по всему, недалеко, в какой-то грязный двор, где стояла школа-пятиэтажка. Там их уже ждали. Мент, сидевший справа, выбрался из машины, подошел к ожидавшим, о чем-то с ними заговорил.

А здорово они все продумали, сучары, думал Корнеев, глядя на ожидавших. А что им, заказчикам, оставалось, если он по глупости стал слишком много запрашивать? Жадность столько уже сгубила фраеров, а все равно... Вот и навело их на мысль: мол, зачем ему, Корнею, вообще платить? Когда можно и за так? Он ведь кто? Разыскиваемый опасный преступник, на котором штук десять заказов, исполненных в лучшем виде... На пожизненный срок вполне потянет. А и повесим-ка на него, болезного, грабеж ювелирного магазина и дадим через суд червонец? Вот и пусть отрабатывает под страхом, что вдруг опознают в нем того самого снайпера и дадут вышку... То есть еще спасибо должен нам сказать... И теперь у него алиби – лучше не придумаешь: в тюрьме сидит. В случае, если начнут именно его искать, мол, Корнея почерк, больше некому, – так они меня к ним, под конвоем... Вот, мол, подозреваемый Корнеев у нас

сидит в камере под присмотром надзирателей. Десять лет строгого режима. И получается, это он, Корней, кому-то еще обязан, что легко отделался... В долгу неоплатном, можно сказать. И ему теперь вовсе не платят. Вернее, платят его же собственной жизнью. Шлепнул кого надо из винта – вот тебе за это еще год жизни. А то профессионалы, те, что на воле, больно много запрашивают. А таких, вроде меня, Лехи Корнеева, бесплатных да безотказных, еще поискать. Узнать бы точно, на кого пашу... На органы или на фирму? Тогда хоть станет понятнее, когда решат от меня избавиться. Но не все сразу. И аккуратно все надо делать, чтоб не насторожить да не вспугнуть.

– Иди сюда, – негромко сказал ему, обернувшись, мент после окончания переговоров.

– Иду. – Корнеев привычно сложил руки за спиной, направился к ожидавшим. Он повнимательнее присмотрелся к ним, но опять никого не узнал. В прошлые разы менты были другие. Или это были другие заказчики?

– Ты это брось! – нахмурился мент. И ударил его сзади по рукам. – Довыкобениваешься! опусти руки, говорю!

Они приблизились к дверям школы. Переглянулись.

– Сигнализация? – негромко спросил кто-то из заказчиков.

– Отключена, – ответил мент, доставая ключи.

– Сторож?

– Нажрался до посинения. На халяву-то...

Он открыл дверь школы, ржавая пружина неприятно заскрипела, и они вошли в темный вестибюль со светлыми квадратами на полу от тусклых уличных фонарей. Корнеев оглянулся. Сладковатый запах подгоревшего молока, должно быть со стороны кухни, запах сырых тряпок после уборки полов. И полная тишина.

Они стали подниматься по лестнице, Корнеев молча шел между ними, понимая, что лучше ничего не спрашивать. Все скажут сами.

На пятом этаже мент открыл ключом угловой класс в конце коридора. Там они подошли к окну.

– Черт, рама заклеена! – сказал один из заказчиков, массивный и багроволицый. Он провел пальцем по бумажной ленте, которой были проклеены окна, пока она не прорвалась. Под ней обнаружилась вата.

– Да и х... с ней, рви! – сказал другой, бледный, возможно старший, явно нервничая. – Времени нет...

– Надо было предусмотреть, – строго сказал багроволицый.

– Кто ж знал! – огрызнулся его напарник. – Ты окна в это время заклеиваешь?

– Может, тогда с чердака?

– Раньше надо было думать. Времени в обрез... Открывай!

Они открыли наконец окно, и в помещение ворвался сырой холодный воздух позднего октября. Багроволицый быстро открыл свой кейс, вытащил оттуда какие-то детали, стали слышны шелчки собираемого прибора ночного видения.

– Только тихо, – сказал бледный Корнееву. – Не суетись... Вон видишь, казино «Золотая львица»?

– Ну, – кивнул Корнеев, глядя на еле заметный отсюда неоновый силуэт пышного женского тела и надпись: «Приятный досуг для всех желающих».

– Вижу. Для всех желающих и имеющих.

– А ты смотри получше. – Багроволицый передал ему собранный прибор ночного видения. – Дверь, видишь, открывается?

– Счас! – Корнеев не спеша достал пузырек «визина», закапал в оба глаза и только после этого взял прибор.

2

Заместитель генпрокурора Меркулов поздно ночью позвонил старшему следователю по особо важным делам Александру Турецкому после недолгого, но напряженного ночного разговора с генеральным.

– Извини, Саня, что разбудил... Меня самого только что подняли... Догадываешься, о чем пойдет речь?

– Судя по твоему расстроенному голосу, опять какую-нибудь бяку подкинешь, – зевнул Турецкий и покосился на жену, отвернувшуюся к стене.

– Угадал... Час назад застрелили Артемова, партнера по бизнесу депутата Кольчугина.

– Ну а я тут при чем? Кстати, Костя, выходит, в последнее время только у него убивают партнеров или помощников? Это, кажется, уже третий? И тоже ночью, снайперской пулей?

– У меня спрашиваешь? Вот ты и узнай! И доложи мне по всей форме.

Турецкий чертыхнулся. Уголовные дела об убийствах двух помощников зама руководителя самой скандальной фракции в Госдуме Кольчугина уже объединены в одно дело и стали головной болью Генпрокуратуры.

Кольчугин буквально достал генерального своими думскими запросами – под телекамеры, с шумом на всю страну. Городская прокуратура не справлялась, а Кольчугин торопил: вдруг до него доберутся? И генеральный, ради спасения чести мундира, согласился взять расследование на свою контору... А что делать, если Кольчугин – зам руководителя самой скандальной фракции Госдумы?

– Это я в курсе... И ты решил на меня повесить? И сообщить об этом в три часа ночи?

– Да, Саня, генеральный лично просил тебе передать. Его самого с постели подняли... Так вот Кольчугин уже прибыл к месту убийства, наорал на милицию и стал кричать: где ваш Турецкий?

– Так это он меня там ждет? – присвистнул Александр Борисович.

– Выходит, так, – вздохнул Меркулов. – Мол, ему сам генеральный тебя обещал... И в чем-то он прав. Если не ты, то другой, но если уж мы взялись, то хорошо бы собрать информацию по свежим следам.

– Костя, это приказ или пожелание?

– Приказ будет завтра, это я тебе гарантирую.

– Все понял. Ты только скажи, когда мы, Генпрокуратура, перестанем обслуживать этих психопатов, добравшихся до власти, которые набирают в помощников бывших уголовников? Им же место не в Думе, а в Кашенко!

– Вопрос не по адресу. А если хочешь знать мое мнение, то не раньше, чем электорат перестанет их во власть выбирать... Ладно, давай не терять время. И держи меня в курсе. Кстати, извинись за меня перед своими девушками. Наверно, я их разбудил.

...Когда телефонный звонок разбудил журналиста Игоря Залогина, тот сначала взглянул на часы и только потом на проснувшуюся Люсю.

– Что, опять? – спросила она. – Уже в три часа ночи?

Игорь пожал плечами, нерешительно протянул руку за телефонной трубкой.

– Я же предлагал отключать телефон на ночь, – сказал он, оправдываясь. – А ты не согласилась.

– Потому что потом я буду во всем виновата, если пропустишь что-то срочное, – сказала Люся и поднялась с постели, чтобы, по обыкновению, нарезать на скорую руку бутерброды. – Поговори уж, только не забудь включить запись, как в прошлый раз. И потише, Надю разбудишь.

Игорь пожал плечами, включил запись на автоответчике. Наверняка звонил все тот же.

– Алло, – послышался приглушенный голос Кольчугина. – Я, кажется, опять тебя разбудил.

Тот самый Петр Кольчугин, избранный вместо умершего депутата Сорокина. Разоблачительные статьи, написанные Игорем о нем и его махинациях, похоже, только прибавляли Кольчугину популярности, когда речь зашла о досрочных выборах. За что он поблагодарил при одном из первых телефонных разговоров, всех, без исключения, кончавшихся угрожающими нотками.

– Да уж, – сказал Игорь. – А мы разве на «ты»?

– Вы еще надо заслужить, – буркнул Кольчугин.

– Стараюсь, да все никак... – хмыкнул Игорь, переглянувшись с женой. – А что у вас за манера звонить среди ночи? Проверяете мою нравственность, сплю дома или в другом месте?

– А чтобы давить на вас, гадов, тех, кто злоупотребляет свободой слова! – буркнул Кольчугин.

– Не меньше, чем вы злоупотребляете своей властью и неприкосновенностью, – перебил Игорь. – Это все, что вы собирались мне сказать в третьем часу ночи?

– От моей неприкосновенности никому ни холодно ни жарко...

– Это как посмотреть, – хмыкнул Игорь. – Вы хотя бы знаете, что я живу не один? И ваш звонок мог кого-то потревожить... Что за срочность, не понимаю! Что хоть случилось?

– Так вот, только что застрелили моего партнера по бизнесу Серегу Артемова, когда он выходил из ночного клуба. А ты о нем только что напечатал статью...

– Соболезную, – протянул Игорь. – Это уже который? Второй, по-моему, за полгода.

– Третий! – воскликнул Кольчугин. – И все трое из винтовки! Причем ночью. И еще одного, Гену Афанасьева, посадили! И тоже после твоей статьи, а значит, по твоей вине! Так что, считай, это уже четвертый.

– Петр Авдеевич, и вы всерьез связываете мои публикации?..

– Ты что, ничего не понимаешь или придуряешься? – не сдержался Кольчугин. – Совпадения, хочешь сказать? Ну раз совпало, два... Ты помнишь, написал о моем однокашнике и партнере Коле Звягинцеве? И тот на другой день от пули! А районная прокуратура сначала все замяла. А городская потом не потянула. А время-то идет! Только сейчас я подключил Генпрокуратуру, ты меня понял? А тебе я так скажу: или ты прекратишь писать свою пачкотню...

– Я пишу статьи, а не приговоры, – озадаченно пробормотал Игорь.

Черт... Действительно, так все и было. Звягинцев погиб сразу после публикации о делах их концерна. Кстати, этот Сергей Артемов был руководителем избирательной кампании Кольчугина после странной гибели прежнего депутата Сорокина.

– Непонятно другое, – вздохнул Игорь. – Вокруг вас все гибнут, а вам хоть бы что. Хотя я о вас столько раз уже писал.

– И все – мимо! – рассмеялся Кольчугин. – До сих пор живой. Но кольцо-то сужается. Может, я следующий? Говори что хочешь, но так оно и есть. Нет, скажешь?

Непохоже, чтобы он очень уж переживал, подумал Игорь. Смеется... И, кажется, сильно подшофе. Что, впрочем, импонирует его электорату – свой мужик, в доску.

– Петр Авдеевич, вы сейчас где? – спросил он вслух.

– А вот здесь, на месте преступления, возле ночного казино, над неостывшим телом моего соратника! – с вызовом сказал Кольчугин, и Игорь понял, откуда доносится негромкий говор, показавшийся ему посторонним. – Здесь наша славная милиция, следователи из Генпрокуратуры только что подкатили, секьюрити эти, мать их так... – продолжал Кольчугин. – Раньше, когда они назывались по-русски, телохранителями, то и охраняли получше! Так что ждем-с, господин репортер! Приезжай, это здесь, на Беговой, недалеко от тебя. Вот и поговорим... Бывал здесь, поди? Своих конкурентов опередишь, еще спасибо мне скажешь за свежак!

Игорь опустил трубку на рычаг, взглянул на жену.

– Тебе нужно куда-то ехать? – спросила она.

– Читаешь мои мысли, – кивнул Игорь и лег на спину, подложив руки под голову. – Действительно, черт знает что... Представляешь, только что писал об Артемове, сподвижнике Кольчугина...

– Слышала, бывший уголовник, ныне бизнесмен, – перебила она. – Не один он такой. И что, его тоже?

– Угадала. Замочили. Черт, даже не по себе становится... – сказал Игорь. – И это не в первый раз. Будто кто моей команды ждет, когда скажу: фас! Хотя... Возможно, кто-то внимательно следит за моими публикациями, чтобы понять, кого раскололи или раскрыли и от кого следует срочно избавиться, пока не допросили. Уж не сам ли Кольчугин?

– Значит, пишешь правду. – Она обняла его. – Сиди дома. Ты ж у нас теперь обозреватель как-никак. Ценный и незаменимый. У вас в редакции репортеров полно. Сделай милость, не отбивай хлеб у ваших мальчишек.

– Он меня только что пригласил, – сказал Игорь. – Я говорю о депутате Кольчугине. Сама знаешь, таким лучше не отказывать. Да и главный не простит.

Помедлив, он взглянул на часы. Без двадцати четыре, скоро утро. Время киллеров, их заказчиков, депутатов Думы, из тех, у кого рыльце в пуху, и журналистов, кто пишет о тех, других и третьих. Вставать и куда-то бежать – не хотелось. Но все равно поднялся, стал одеваться.

– Наде ничего не говори, – сказал он Люсе, кивнув в сторону комнаты дочери. – Постараюсь не задерживаться.

– Будь там осторожнее, – сказала она, проводив Игоря до двери. – Почаще оглядывайся. Не помешает. Мало у тебя врагов?

– Мой статус сейчас таков, что больше будет шума от моей насильственной смерти, чем от моих статей, – усмехнулся он и поцеловал ее в теплую щеку.

Он вышел из подъезда, невольно оглянулся. Осмотрел машину, потом заглянул под днище, открыл капот, все осмотрел. Черт знает что, подумал он, включив зажигание, так можно чокнуться. Значит, не надо было за это браться...

Машина медленно двинулась с места, он выехал со двора. Снова оглянулся. Уже на всякий случай... Итак, настала очередь Артемова? Справедливо, вообще говоря, поскольку все к этому шло. Давно напрашивался. Можно удивляться лишь тому, что этого не случилось раньше, столько он умудрился нажить себе врагов. Артемов одно время тоже пробовал свои силы на выборах, был конкурентом покойного Сорокина, но оказался на последнем месте. Чуть ли не меньше всех набрал голосов, возможно, своих родственников и собутыльников.

Игорь усмехнулся, дисциплинированно остановившись на красный свет, хотя проезжая часть Беговой, по которой он сейчас ехал, была пуста и мимо с ревом пронесся «навороченный» джип. Ночью с гаишниками лучше не связываться. Ночью они особенно злы и наглы.

Однажды, по согласованию с главным, он поставил на себе эксперимент. Написал заявление в ГАИ, мол, угнали его «хонду» белого цвета, порядком подержанную, 87-го года. Самым подробным образом описал ее внешний вид и особенности. Данные занесли в компьютер. После этого ночью, как раз в это время, когда машин на улицах почти нет, он выехал на Тверскую. Не торопясь, чтобы привлечь к себе внимание, он проезжал мимо дежурных гаишников, стоящих на перекрестках, сидящих в «стаканах» или в засаде, где они обычно стерегут нарушителей. Он колесил так почти до самого утра, все надеясь, что хоть кто-то из них обратит внимание на «угнанную машину». И даже представлял, с чего начнет статью: с покаяния, что плохо думал о тех, кто охраняет наш покой.

Но, похоже, все они были озабочены совсем другим. Лохи, разъезжающие в «жигулях» или в подержанных иномарках, их не интересовали. Другое дело крутые тачки, где клиенты отстегивали сразу, не торгуясь, не ссылаясь на финансовые трудности. Наконец, не выдержав, Игорь остановился возле «стакана» у Никитских Ворот, показал полусонному дежурному,

краснолицему и добродушному, журналистское удостоверение, сказал, что пишет статью о том, как милиция ищет угнанные машины. Тот охотно рассказал про существующие методики и оперативные данные, которые есть на его мониторе. «Нельзя ли взглянуть?» – спросил Игорь. Данные на свою машину он увидел почти сразу. После чего перевел взгляд на сидельца в «стакане». Но провокация не прошла: тот равнодушно посмотрел на его «хонду», стоявшую внизу, не собираясь сопоставлять ее с аналогом на экране. Ну да, он же видел: журналиста на ней только что приехал, на угонщика он не похож, а те к тому же сами на рожон не лезут...

На том и распрощались. Днем Игорь, не удержавшись, позвонил в ГАИ и спросил, как идут поиски. Ищем, сказал ему дежурный, думаете, вы у нас один такой?..

Когда он подъехал к казино «Золотая львица», он увидел машину с номерами Генпрокуратуры и услышал недовольный голос своего давнего знакомого Саши Турецкого:

– Вы могли бы дождаться нашего приезда, раз уж вас об этом предупредили?

Тоже подняли среди ночи, подумал Игорь с некоторым облегчением. Уж Саша Турецкий, с его-то знаменитой хваткой, все расставит по своим местам. Видно, Кольчугин и здесь постарался. Чтоб дело вел именно Турецкий. У депутата такая манера: горячую воду отключат – сразу звонит премьер-министру, президенту, а то и в газеты. При этом обязательно подведет под бытовое неудобство политическую подоплеку. Мол, это современный способ борьбы власти с оппозицией, когда отключается тепло и вода. Поэтому ему ничего ровным счетом не стоит втравить в свои дела Генпрокуратуру и вытащить из постели самого Сашу Турецкого, следователя по особо важным делам.

Игоря остановил ражий рубоповец в пятнистом комбинезоне с короткоствольным автоматом.

– Документы! – потребовал он.

– Пропустите, – обернулся на его голос Турецкий. – Этот товарищ с нами... Игорь, привет, – хмурясь, он издала протянул руку. – Не можешь объяснить, почему все казино у нас «золотые»? То «Золотой фазан», то «Золотой век», теперь еще «Золотая львица»? Тебе твой журналистский опыт не подсказывает?

– Наверно, хозяева так увлекают богатеньких клиентов, мол, золото тянется к золоту... – пожал плечами Игорь, вглядываясь в накрытое простыней тело Сергея Артемова, партнера по бизнесу депутата Кольчугина, возле которого уже хлопотали новый сотрудник Турецкого Герман Шестаков, оперативники и эксперты. Здесь же была жена убиенного Тамара Артемова, плачущая и время от времени украдкой поглядывающая на себя в зеркальце, чтобы снять кружевным платочком черные потеки под глазами.

Весьма эффектная, коротко стриженная, с внешностью фотомодели, она поневоле притягивала к себе взгляды присутствующих. Здесь же были двое охранников Артемова в кожаных куртках, один огромный, с грубым рябым лицом, другой помоложе и хорошо сложенный.

Сам народный избранник распекал секьюрити казино, из-за спин которых встревоженно выглядывали бледные, обильно крашенные девицы, наверняка из обслуживающего персонала.

– Смотреть надо! – донесся возбужденный голос Кольчугина, одной рукой старавшегося обнять безутешную вдову за плечи, при том что был ниже ее на голову. – Вы каждого гостя должны сопровождать до машины, когда он выходит! Тем более общественно значимого! Крупный бизнесмен, помощник видного депутата парламента, VIP, вы понимаете, на кого и на что они подняли руку? На будущее России!

– Но у нас часто отдыхают многие почетные гости... – проямлил хозяин, утирая потное лицо, молодой, с прилизанными белесыми волосами, в кашемировом пальто. – Сережа к нам не в первый раз заезжал... Вот вы в прошлый раз к нам приезжали и ни на что не жаловались... – добавил он, понизив голос. – И потом, как вообще можно уберечься от снайпера?

– Это ты на что намекаешь?! – надвинулся на него Кольчугин. – Что мой партнер и помощник Серега Артемов для кого-то больше значил, чем я? Хочешь сказать, моим врагам

на меня жалко разориться? – Он погрозил пальцем. – Я вот разберусь, кто и почему тебе дал лицензию на твою забегаловку! Но сначала найду, кто его убил! Он мне как сын был, понимаешь ты это? – Его голос дрогнул. Кольчугин демонстративно вытер набежавшую слезу.

Игорь и Турецкий переглянулись.

– Он уже пьян, как председатель общества трезвости в последний день отпуска, – вполголоса сказал Игорь Турецкому. – А что, действительно был снайпер?

Турецкий усмехнулся, качнул головой.

– Как видишь... И неплохой... Кстати, – сказал он громко, обратившись к депутату. – Может, вы сами следствие и проведете, раз вам все уже понятно?

– А что, и проведу... – обернулся Кольчугин, оглядывая окружающих. – Это ты, Игорек? – спросил он, узнав Залогина.

– Вы мне не ответили! – сказал Турецкий, набычившись.

– Может, ему повторить? – спросил у него его сотрудник Шестаков. – Слышите, депутат! Раз вы уже все знаете, кто стрелял, тогда зачем было будоражить генпрокурора, звонить людям среди ночи? Вам недостаточно районной прокуратуры?

– А этот еще откуда взялся? – изумился такой наглости Кольчугин. – Саша, он кто? – спросил он, обратившись к Турецкому.

– Это старший следователь Генпрокуратуры Шестаков, – многозначительно сказал Александр. – Работает со мной. А вы нам только мешаете своими разговорами... И, кстати, попрошу вас, чтобы не вызывать повесткой, пожаловать ко мне сегодня в прокуратуру в качестве свидетеля, – добавил Александр Борисович. – В семнадцать сорок устроит?

– В семнадцать двадцать у меня в Думе голосование по индексации пенсий, – проворчал присмиривший Петр Авдеевич. – Значит, до девятнадцати проторчим, не меньше.

Он переводил испытующий взгляд с Игоря на Шестакова, потом на Турецкого и обратно, словно пытаясь понять связь между ними.

– Хорошо, подожду до двадцати, – непреклонно сказал Турецкий. – Но чтобы обязательно. И, пожалуйста, захватите с собой все документы, которые так или иначе связаны с вашим помощником.

Сказав это, он отвернулся от Кольчугина, сразу потеряв к нему интерес.

– Пусть лучше этот писака вам расскажет, почему Сережу застрелили! – крикнул Кольчугин ему в спину. – Почему стоит ему написать на кого-то компромат, как человека сразу убивают? Причем всегда ночью и из винтовки с оптическим прицелом!

Но Турецкий уже направлялся к лежавшему телу, которое собирались уложить в «скорую». Потом обернулся к Игорю.

– Это верно? – вполголоса спросил он. – Ты написал о нем статью, и...

– Похоже на то. Хотя я пока не вижу прямой связи, – пожал плечами Игорь.

Александр Борисович внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он присел на корточки, остановив рукой санитаров.

– Подождите! – сказал он, выйдя из раздумья. – Проверим еще раз. А то у нас много времени ушло на пустую болтовню... Все-таки в каком положении был найден труп? – спросил он судмедэксперта Володю Бугаева, кивнув в сторону нарисованного мелом на асфальте силуэта тела убитого. – Вверх лицом или вниз?

– Вниз, – сказал эксперт. И показал на темную лужицу крови, которую размывал моросивший дождик.

– И куда пуля вошла? – Турецкий склонился над трупом, приоткрыл простыню.

– Сверху в лобовую часть под углом примерно тридцать градусов по вертикали и примерно пятьдесят – шестьдесят по горизонтали, – сказал Шестаков. – Приблизительно, конечно.

Турецкий поднял голову, посмотрел в сторону близлежащих домов, встретился взглядом с Кольчугиным.

– Вы мне больше не нужны, – сказал он. – Я уже сказал: пока не задерживаю. Сегодня в двадцать ноль-ноль я вас жду.

– А если я не приду? – с вызовом спросил Кольчугин. – Если заседание Думы продлится?

– Принесете от спикера справку. С печатью. О том, что были заняты на внеурочных работах, – невозмутимо сказал Турецкий, по-прежнему оглядывая ближние дома.

– Ты что, забыл, с кем так разговариваешь? – сощурился Кольчугин.

– Помню. Потому так разговариваю... – буркнул Турецкий. – А сейчас идите выспитесь. Вы мне будете нужны со свежей головой.

Вот о ком бы написать, подумал Игорь, с восхищением глядя на Турецкого и его помощника. Как они ставят на место этих надутых от собственного величия индюков, к которым настоящий профессионал быстро теряет интерес.

– Там у нас что? – спросил Турецкий, указав на жилой двенадцатиэтажный дом на противоположной стороне улицы. – Вроде там есть чердак, если не ошибаюсь? Не из квартиры же стреляли? Если он был убит наповал и упал вниз лицом... – Он вопросительно взглянул на Шестакова.

– Он мог перекрутиться на месте, до того как упасть, – ответил тот.

– Точно, – кивнул рябой охранник, которого Игорь про себя назвал «мамонтом». – Повернулся вбок и охнул, будто всхлипнул...

Он, похоже, до сих пор был потрясен случившимся.

– Прежде чем мы встретимся с вами, Александр Борисович, думаю, вам предстоит встреча с вашим руководством, – сказал Кольчугин, открыв дверцу ожидавшего его депутатского «ауди».

Он не мог уехать просто так, чтобы последнее слово не осталось за ним. Уже сев в машину, он оставил дверцу открытой.

– Тамара, ты едешь? – спросил он жену убитого. – Могу подбросить.

– Меня Паша подвезет, – сказала она, не оборачиваясь. – Не беспокойтесь... Вы бы ехали, Петр Авдеевич! А я еще подожду.

Она пьяно растягивала слова. Послышался шум мотора, и «ауди» с Кольчугиным и его охранниками рванул с места.

– Продолжим... – равнодушно сказал Турецкий, по-прежнему ни на кого не глядя. – А там что, школа? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– Похоже, школа, – сказал кто-то из оперативников.

– Если стреляли с чердака жилого дома, то угол входа пули в череп погибшего должен быть больше, – выразил предположение медэксперт Бугаев. – И скорее всего, она попала бы в район темени. Это в первом приближении.

– Все у тебя примерно да приблизительно, – ворчливо сказал Турецкий.

– Вы сами просили сказать... – недовольно сказал Бугаев.

– Я хочу понять, где сидел снайпер! – сказал Турецкий. – Чтобы знать, откуда начать искать по горячим следам... Вот смотри, он вышел из казино, правильно? И получил пулю в лоб. Ты мне твердо скажи: могли стрелять с крыш этих жилых домов или с чердака, чтобы попасть ему в лоб под этим углом? Куда нам идти искать огневую точку?

– Наверняка ниже... – покачал головой Шестаков, потом внимательно взглянул на Игоря Залогина. – Сделаем эксперимент... Вот вы, Игорь, примерно одного роста с погибшим. Если позволите, встаньте сюда.

Игорь пожал плечами, встал на очерченное мелом место.

– Теперь вы ответьте, – обратился Шестаков к молодому охраннику убитого по имени Паша, которого Игорь теперь разглядел получше, стриженному под ноль и стройному, как спортсмен. – Он шел к своей машине, ведь так?

– Ну, – кивнул тот и обратился к «мамонту»: – Толян, расскажи, он же с тобой шел и разговаривал...

– Значит, он находился лицом к машине? – спросил у него, вернее, встрял Бугаев.

– Володя, не отбивай у Геры хлеб, – вполголоса сказал Турецкий.

– Так мы можем забрать труп или нет? – недовольно спросил один из санитаров.

– Еще несколько минут... – остановил их Турецкий.

– Значит, он шел, глядя на машину, или с кем-то разговаривал? – продолжал Шестаков. – Вспомните, не торопитесь.

– Да, разговаривал, – вспомнил рябой Толян-«мамонт».

– Он при этом поворачивался лицом в вашу сторону? – спросил Турецкий. – Понимаете, да? Нам важно знать, куда он смотрел в тот момент, когда в него попала пуля.

– Ну... – засопел тот. – Верно. Повернулся ко мне.

– Вы это точно помните?

Тот коротко взглянул на жену погибшего Артемова и промолчал.

Турецкий перевел взгляд с него на нее, взял охранника под руку и отвел в сторону.

– Говори, – сказал он, перейдя на «ты». – Время не терпит, понимаешь?

– Вон, говорит, гляди, какая телка идет, – пробубнил Толян. – И еще кивнул в ее сторону... А там действительно девка шла клевая. И здорово поддатая. Правда, не одна. Только что с каким-то чуваком из такси вылезли... Может, в казино приехали... Серега говорит, мол, беру ее с собой... Вы, пацаны, только чувака придержите.

– Да чего ты там секретничаешь! – громко сказала новоиспеченная вдова. Похоже, она была на хорошем взводе. – Думаешь, не слышу?.. Думаешь, ничего не знаю? Козел он был и кобель, хоть и покойник! – Она даже занесла свою длинную ногу из-под распахнутой норковой шубки, чтобы ударить неподвижное тело мужа. Но Толян вовремя перехватил ее и оттащил в сторону.

– Вообще-то... О мертвых мужьях либо ничего, либо только хорошее... – хмыкнул Шестаков.

– Да все вы – козлы! – Она толкнула кулаком Толяна, постаравшись вырваться. – Все вы хороши, когда одни спите!

И, оттолкнув предложенную руку Шестакова, пошла прочь, покачиваясь.

– Паша... – вполголоса сказал Толян, кивнув в ее сторону. – Не стой, отвези Томку домой, чтоб все нормально, понял, да?

Паша кивнул, залез в джип, которым не успел воспользоваться его хозяин, завел двигатель, догнал ее, приоткрыл дверцу. Она какое-то время шла рядом, потом махнула рукой, залезла в салон, не без труда поместив туда свои необыкновенно длинные и почти открытые ноги. Все некоторое время замороженно наблюдали, пока она это совершала. Потом еще смотрели вслед.

– И тут, при этих словах насчет телки, Серега и схлопотал пулю, – сказал Толян, ни к кому не обращаясь.

– Ну-ну, продолжим, – нетерпеливо сказал Турецкий, сдвинув брови. – Больше не отвлекаемся. Вы выстрел слышали?

– Нет, не слышал. Серега только вздохнул или всхлипнул... Повернулся вбок и упал.

– Все-таки покажите на господине журналисте, как он стоял и куда смотрел. – Турецкий кивнул в сторону Игоря.

– Здесь стоял... Значит, девка эта с парнем шли вон там. Серега как раз туда повернулся, когда схлопотал пулю.

Александр Борисович подошел к Игорю. Подмигнул.

– Теперь представь, Игорек, что ты, пользуясь отсутствием жены, смотришь на девицу, которая идет вон там... видишь? И тут пуля попадает тебе в лоб с этой стороны, под углом.

– Кстати насчет жены, – перебил его Шестаков. – Может быть, это его собственная супруга, которая только что укатила, его выслеживала и заказала? А сюда приходила поинтересоваться, выполнен заказ или нет?

– Но вы же видели ее неподдельные переживания по поводу смерти любимого человека, – хмыкнул Игорь. – Прямо по земле каталась...

Турецкий озадаченно смотрел на него какое-то время, потом замотал головой.

– Еще один шерлок холмс на мою голову! Да именно так, она бы тут, достоверности ради, и по земле каталась, и выла, и волосы на себе рвала, если бы заказала мужа... тебе, инженеру человеческих душ, непонятно? Когда соберешься детектив писать, используй там эту свою версию – наш пипл всеядный, он все схавает, не беспокойся. А у меня реальное убийство, а не придуманное. И я тебя сейчас о другом спрашиваю! Откуда, как ты сейчас видишь, могла прилететь пуля, попавшая тебе, то есть ему, в лоб сверху и справа?

Игорь кивнул в сторону школы с темными окнами:

– Оттуда... Наверно... – и пожал плечами.

– Скорее всего, оттуда, – поправил Турецкий. – Вот и я так думаю. Остальные дома жилые, значит, со школы и начнем... Все, он ваш, – сказал он санитарам, кивнув на труп Артемова. – Извините, что отняли у вас время на этот цирк с народным избранником.

Когда они подошли к школьной ограде, Игорь вполголоса сказал:

– Зря ты нахамил Кольчугину. Все-таки народный избранник. Завтра по телевизору будет бить себя в грудь и орать, что за ним стоят сто пятьдесят тысяч избирателей! Наверняка уже позвонил твоему шефу...

– А пусть отстраняют! – упрямо мотнул головой Турецкий. – Может, я этого и добиваюсь... Надоело, понимаешь? Доводишь расследование до конца, вдруг звонок сверху, велют передать дело кому-то другому... Хлопают тебя по плечу, хвалят, обещают наградить. Потом общественность говорит, будто дело спустили на тормозах. А оно было почти готово... Или, например, совершат новое громкое убийство, чтобы для ошарашенного общественного мнения оно заглушило старое! И тебя кидают на него... Здесь будет то же самое, вот посмотришь... Кстати, я как раз собирался вызвать этого Артемова в качестве свидетеля по другому делу. Но не успел даже повестку выписать...

Они подошли к дверям школы, оглянулись.

– Придется ждать, когда появится директор, – сказал Турецкий. – Не ломать же дверь. Хотя этот снайпер, если он сюда приходил, не очень-то щепетильничал... Открыл и вошел. А нам придется время терять...

– Но если оперативная обстановка потребует? – спросил Игорь.

Шестаков усмехнулся:

– Во-первых, сейчас по всей Москве проходит операция «Перехват»... – сказал он.

– Толку от нее... – вздохнул кто-то из оперативников. – Откуда им знать, что или кого перехватывать?

– ...Во-вторых, если взломаем, на суде возникнет разговор о добыче улики незаконным путем, без понятий. И любой адвокат нас высмеет.

Турецкий посмотрел на часы. Потом махнул рукой:

– Ладно... Гера, ты свободен. Игорь, тоже поезжай домой, здесь тебе ждать больше нечего... Загляни где-нибудь в середине дня, если будет время.

Шестаков и ухом не повел на разрешение начальства, а Игорь пожал плечами и тоже остался. Только переступил с ноги на ногу. Так они прождали около двух часов, успели замерзнуть, пока пришел директор школы, седой, в строгих очках, со старомодным галстуком, выглядывавшим из-под кашне. Он остановился, удивленно посмотрел на ожидавших сотрудников и оперативников.

– Не может быть, – сказал он растерянно, после того как Турецкий, представив себя и собравшихся, рассказал о цели визита. – У нас в школе дежурит сторож...

– В этом мы должны убедиться, – сказал Турецкий непреклонно и показал рукой в сторону двери: – Прошу...

Когда дверь открыли, Шестаков выставил руку, чтобы директора придержать в дверях. При этом он принялся к воздуху и прислушался к храпу, доносившемуся из ближайшего помещения с приоткрытой дверью.

– Да уж... Это называется – сторож... Так, одну минуту... У вас вчера по окончании занятий производилась влажная уборка вестибюля?

– Мы каждый день ее делаем, – сказал директор с достоинством.

– И после этого школу закрываете и опечатываете? – продолжал Шестаков.

– Обязательно! – пожал тот плечами. – Я сам ухожу вместе с уборщицами.

– Значит, любые следы... – Шестаков указал на пол, – могли быть оставлены лишь теми, кто побывал здесь после вашего ухода, не так ли?

Директор только пожал плечами.

– Наверняка... Скоро придут учащиеся и учителя, – сказал он. – Вы их тоже не пустите?

– Придется, – сказал Турецкий. – Перенесите или отмените уроки. Только рады будут. По себе знаю.

– Представляю, как вы учились... – усмехнулся директор.

– Да уж... Все время сбегал. И потому стал всего лишь работником Генпрокуратуры. Можете потом в назидание рассказать и показать меня ребятам в качестве наглядного примера... Мол, вот что бывает с теми, кто пропускает занятия... Леня! – крикнул Турецкий через плечо эксперту-криминалисту. – Ты там не уснул еще? Давай займись...

Пришлось еще подождать, пока эксперт-криминалист произведет свои действия. Турецкий первым переступил через порог.

– Значит, никого не пускайте, пока мы не закончим осмотр! – повторил он директору. – А теперь прошу идти аккуратно по моим следам...

Они поднялись на верхний этаж.

3

Когда джип подкатил к особняку, где жил погибший Артемов, Тамара сказала Паше:

– Поднимись со мной, а то не по себе... Боюсь остаться одна, понимаешь?

Паша искоса взглянул на нее, помедлил, пожал плечами.

– Теперь нам больше нечего скрывать, – невесело усмехнулась она. – Слыхал, что Толян сказал? Девку, причем с парнем, увидел – и давай ее сюда! Скажи, групповухи он с вами устраивал?

Паша по-прежнему молчал, держа руки на руле и глядя перед собой.

– Извини... – Она тронула его за рукав. – Ты там был и тоже слыхал? – спросила она.

– Да слыхал... – неохотно ответил он.

– И так каждый раз! – сказала она придушенным от ненависти голосом. – Ни одной моей подруги не пропустил! Зинку вообще изнасиловал, сволочь...

Она всхлипнула.

– Перестань, – сказал Паша. – Приведи себя в порядок. А то еще кто увидит. Недоставало, чтобы я на него стучал. Ты ему и так хорошо отомстила. С моей помощью, конечно... Может, хватит об этом?

Она только приоткрыла рот, чтобы ответить, как пискнул ее сотовый. Она взглянула на появившееся сообщение на дисплее.

– Теперь этот депутат от меня точно не отстанет! – сказала она. – Кобель! Уже хочет меня видеть, представляешь? Ты только посмотри, как подписывается... Петя. У него жена, мол, уехала к родне, будет только через неделю, он свободен, ты представляешь?

– И что? – спросил Паша после паузы.

– А то, придется к нему ехать... – Она шумно вздохнула. – Не сейчас, конечно, после похорон, надо же соблюсти приличия.

Она горько усмехнулась, погладила его по руке:

– А сегодня я хочу быть с тобой.

– Это обязательно? – спросил он, по-прежнему глядя прямо перед собой. – Серега, муж твой, еще не остыл. Вернее, еще не успел в морозильнике замерзнуть.

– Ты прав. Просто хочу забыться... Хоть ненадолго, – сказала она, приподняв выщипанные брови. – Ты же не оставишь меня одну?

– Почему ты за него вышла? – негромко спросил Паша.

Она положила голову ему на плечо.

– А что мне было делать? – спросила она. – Я росла в коммуналке, меня там в четырнадцать лет, после школы только пришла, изнасиловал пьяный сосед со своими приятелями... – Она всхлипнула. – Мы были нищими, понимаешь? И что я могла поделать, если мать, представь себе, меня продала и подонки откупились перед самым судом! За триста рублей она забрала назад заявление... А Сережка их потом убил, понимаешь? За меня! И я ему была благодарна! Он сам только что пришел из тюрьмы, и я сказала, что за него пойду, если он их пришьет. А если его за них посадят, я буду его ждать. И он мне поверил... А потом... Красивый был парень, способный на все, бизнесом занялся, на Тома Круза, говорили, похож, а потом стал последней сволочью, когда связался с Кольчугиным... Ну и пошло-поехало... Наркота, ночные кабаки, девки сами на него лезут... Мог любую увести, если понравится, от мужика. Вот и схватил свою пулю... Может, один из таких обиженных его и подстрелил... Как я теперь смогу без этого жить? Если после своей нищеты села на иглу богатства? И сейчас одно в голове: как сохранить это все? – Она приподняла голову, обвела рукой участок и особняк рукой. – Думаешь, я смогу от всего этого отказаться?

– Перестань, – сказал Паша и обнял ее за плечи. – Не заводись. Ты мне это уже рассказывала.

– Меня хоть не насилюют, меня теперь только покупают, понимаешь? – сказала она, немного успокоившись, прижавшись к его плечу. – И я могу хотя бы выбирать мужиков. А не они меня.

– Меня ты тоже выбрала? Или купила?

– Тебя я выбрала... – в тон ему ответила она. – Показала Сереге на тебя пальцем и сказала: хочу! Этого мальчика. А он как раз у сексопатолога лечился, и без видимого результата... А то к Кольчугину уйду, сказала, он мне обещал свою жену-корову прогнать... Да ну тебя. При чем здесь ты, не понимаю? Не о тебе речь. Артемов хоть сначала был похож на мужика. И если бы не пил, не сел на иглу... А этот недомерок... – Она брезгливо сморщилась, кивнув в сторону сотового. – Не может сделать бабе приятное, попытается – и в сторону, а туда же! Беги к нему, раз его жена только что уехала, а твоего мужа только что убили! Может, он и заказал?

Она никак не могла успокоиться.

– Перестань... – Он открыл дверцу машины, помог ей выбраться.

– Мать говорила: ну куда тебе такие длинные ноги, уродина, – сказала она, выбравшись из кабины. – Кому ты будешь с ними нужна? По ее деревенским представлениям – это уродство, представляешь?

– Где она сейчас? – спросил Паша, когда она наконец открыла дверь дома.

– Кто? – Она остановилась на пороге, пропуская его в дом. – Ты о ком?

– О твоей матери, – напомнил он, проходя мимо, и она к нему невольно прижалась.

– А... не знаю. Пьет где-то. Я звонила, узнавала... – Она махнула рукой, села на ближайший диван, откинулась. – Соседи сказали, будто совсем спилась, квартиру продала, я ж ей однокомнатную купила, куда-то в Ногинск уехала, что ли... А искать ее нет никакого желания. Куда я ее привезу? Сюда? Говорят, стала законченной бомжихой... – Она выпрямилась. – Осуждаешь? Ты, я знаю, маменькин сынок, родителей почитаешь... А я вот такая, да, не могу забыть, как она у соседа деньги взяла за то, что он меня силой лишил невинности... Ну, иди ко мне.

Она потянула его на диван, стоявший возле камина, и он сел рядом. Она обвила его шею руками, стала исступленно целовать. Потом стала стаскивать с него куртку, срывать с себя свитер.

– Подожди... – хрипло сказал он, отстранившись. – Я сам...

– Скорей... – Она прикрыла глаза, опрокидывая его на себя. – Хочу всех забыть, хочу послать всех к черту!

Потом они оба замерли, услышав скрип ступеней на лестнице. Похоже, кто-то медленно по ним спускался.

Тамара оттолкнула Пашу, села, прикрыла грудь руками, потом стала лихорадочно натягивать на себя юбку.

– Черт! Забыла совсем... – шепотом сказала она. – Его мать должна была приехать, понимаешь? И уже здесь. Ну, одевайся, что смотришь? Она почти не видит и плохо слышит... Здравствуй, Павла Кузьминична! Вы уже приехали? – крикнула она.

Паша набросил на себя куртку и только потом обернулся. Он увидел согбенную старуху, спускавшуюся по лестнице.

– Сережа... Это ты? – Она простерла руку в направлении Паши. И спустилась еще на пару ступенек.

Они переглянулись. Тамара приложила палец к губам.

– Сережа, почему ты не отвечаешь? – встревоженно сказала старуха.

– Отзовись или помоги ей, только не стой... – вполголоса сказала Тамара. – Павла Кузьминична, вы меня слышите? – И сама подошла к лестнице. – Только осторожнее, ради бога... Подождите, я вам помогу.

– Томочка, ты здесь? А это разве не Сережа?

– Это его охранник, а Сережа уехал... Как вы сами сюда добрались?

Тамара помогла ей спуститься, усадила на тот же диван возле камина.

– Куда он уехал? – донесся женский голос сверху, и Тамара вздрогнула, увидев спускающуюся молодую женщину, одетую в ее халат и с распущенными волосами. Она внимательно оглядела Тамару и Пашу, отметив про себя не порядок в их одежде и ее сбитую прическу.

– Фу, Ленка, напугала! – качнула головой Тамара. – А я думала, как Павла Кузьминична сюда попала?..

– Да я мать сама привезла, раз Сереженька отказался ее встречать. Он у нас, видите ли, был очень занят... А маме без него не спится, все волнуется, где ее сыночек. И мне покоя не дает... А что, нельзя в ваш дом без спросу, хочешь сказать?

– Ну почему... – промямлила Тамара. – Я этого, во-первых, не говорила, я не знала, что ключ у вас есть... А тебе, как Сережиной сестре, и его маме... почему же нельзя?

Она постепенно приходила в себя, медленно бледнела, и губы ее сжимались. Паша отошел немного назад, оставив золовку и невестку друг против друга, и торопливо застегнул молнию на брюках. Что не ускользнуло от внимания Лены.

– А ты, милая, никак растерялась... – сощурилась она. – И даже ширинку клиенту не застегнула. С чего бы, а?

Она не спеша закурила и подошла к Паше вплотную. Еще раз вызываяще его оглядела.

– Так, может, познакомишь со своим кадром? Или для себя его держишь?

– Прекрати, – тихо сказала Тамара. – Ты не у себя в офисе. Что тебе здесь надо?

– Здесь? – удивилась Лена. – А что, мать и сестра уже не могут приехать к Сергею просто так, чтобы навестить?

– Что ты сказала? Это разве не Сережа? – спросила старуха.

Она подошла к Паше ближе, протянула к нему руку, будто собираясь его ощупать.

– Это не Сережа, мама, – хмыкнула Лена в ответ на ненавидящий взгляд невестки. – Это его заместитель по сексуальной части.

– Сережин заместитель? – сощурилась мать погибшего. – Очень приятный молодой человек! Как вас зовут?

– Видишь, маме он тоже приглянулся. – Тон Лены становился все более издевательским. – Вот я тоже хочу узнать, а нас никто не хочет познакомить... Может, вы сами, молодой человек, представитесь, раз хозяйка язык проглотила? Кто вы и что здесь делаете в шесть утра и как вас зовут?

– Это Лена, сестра Сергея, а это Паша, охранник Сергея, – сказала Тамара, глядя на нее исподлобья. – Недавно у него работает. Сергея дома нет, он оставил Пашу меня охранять, потому что одна я здесь боюсь.

– Так теперь это называется, – насмешливо протянула Лена. – Охранять! Одни для этого заводят собаку, другие мужика. Надо запомнить... А сам он где?

– Мне он сказал, что уехал в командировку! – с нажимом произнесла Тамара. – И ничего о вашем приезде не сказал. Может, закончишь наконец этот допрос?

– Еще возмущаешься?.. – покачала головой Лена. – Я бы на твоём месте... Даже не боишься, что расскажу Сергею?

– Я не расслышала, Сережа скоро придет? – спросила Павла Кузьминична.

– Скоро... – сказала Лена и пустила дым к потолку, снова села на диван. – Скоро придет твой любимый Сереженька. Дай бог, трезвый... Сделай нам кофе, что ли... Мы вечером приехали, мама никак не могла заснуть и мне не давала.

Она зевнула, откинулась на подушки, и ее грудь вызывающе выставилась из низкого декольте. Она скосила взгляд на Пашу.

– Прикройся, бесстыдница! – сказала мать, но та никак не отреагировала. И мать вздохнула, покачала головой и села в кресло.

– Я пойду? – спросил Паша у хозяйки.

– Посиди с нами, – сказала Лена, снова зевнув. – Куда идти в такую рань. Хозяина-то еще нет... Или тоже всю ночь не спал?

Она выпрямилась, села, закинула ногу на ногу, стала ею покачивать, по-прежнему не сводя сузившихся глаз с Паши, который не находил места ни себе, ни своим рукам. Лену, похоже, это только забавляло. Ее мать между тем тихо заснула в кресле, склонив голову набок.

– Прекрати! – сказала Тамара. – И потише. Мамочку разбудишь... Тебе с молоком или без?

– Как сделаешь, так и будет, – кивнула Лена. – Если мама заснет, ее пушкой не добудишься... Беда только, что засыпает не вовремя. – Она поднялась, подошла к матери, заботливо накинула ей на ноги плед, подложила ей под голову вышитую подушку. – А Пашенька пока разожжет нам камин и включит телевизор... – она кивнула в сторону огромного «Сони». – Сейчас как раз должны «Дорожный патруль» передавать по шестой... Я опять что-то не так сказала? – спросила она, увидев, как они переглянулись.

– Нет, ничего, – пожала плечами Тамара. Похоже, она все еще не решалась оставить их одних.

– Иди, – подтолкнула ее в сторону кухни Лена. – Не трону я твоего Пашеньку... Да никак не успеем мы трахнуть, пока ты нам кофий завариваешь!

Когда Тамара вернулась в холл с подносом, на котором стояли кофейник и чашечки, Лена в ужасе, приоткрыв рот, смотрела на экран телевизора. Там в луже крови возле своей машины, освещенный неоновым светом вывески казино, лежал ее брат.

Паша растерянно взглянул на вошедшую Тамару. Похоже, он не понимал, как вести себя в этой ситуации. Тамара незаметно ему кивнула и в ужасе вскрикнула, схватившись за голову, отчего поднос грохнулся на пол, а горячий кофе разлился по полу.

– Это кто... Это Сережа? – воскликнула она.

И подбежала к телевизору ближе. Мать вздрогнула, простонала, приоткрыла глаза, но тут же снова их закрыла, так и не увидев мертвого сына. Лена молчала, прикрыв рот рукой и с ужасом глядя на экран. Потом порывисто оглянулась на мать и бессильно села на пол.

– Это он? – повторила Тамара.

– Да... Фамилию только что называли, партнер по бизнесу и помощник депутата Кольчугина... – Потрясенная Лена не отрывала взгляда от экрана. – Но он же сам мне говорил... Что срочно уедет! И не может нас встретить, и ты говорила, что он уехал! – Теперь она смотрела на Тамару. – А сам...

– А сам в ночной клуб – к блядам! – зло сказала Тамара. – Вот ваш Сереженька, вот он, полюбуйтесь! Мне врет, вам врет, что куда-то уехал, а сам – по блядам!.. А ты еще меня обвиняешь!

И тоже заплакала.

– А я думаю, почему не звонит... – всхлипнула она. – А он, сволочь...

– Дура, Сережку убили, ты понимаешь, что говоришь? – не выдержала Лена.

Ее мать окончательно проснулась, непонимающе уставилась на присутствующих. Тамара схватила пульт и выключила телевизор. Один Паша по-прежнему не находил себе места.

– Что-то случилось? – спросила мать. – Сереженька звонил?

– Лучше сказать сразу, – вполголоса сказала Тамара Лене.

– Ну да, это же не твоя мать, – еще тише ответила та. – Сама скажу, когда будем дома и лекарства будут под рукой. А может, вообще не скажу... Спи, мама, отдыхай. – Она заботливо поправила одеяло. – Когда Сережа приедет или позвонит, я тебя обязательно разбужу.

И оглянулась на Пашу.

– Вот, Пашенька, оставил шефа без охраны, одного, и результат...

– Сергей один не ходит, – ответила за него Тамара. – У него полно охраны. Только против снайпера ничего не поможет...

– Откуда ты знаешь про снайпера? – удивилась Лена. – Ничего вроде не говорили.

– Ну как же, я сама слышала... – несколько растерялась Тамара, но Лена только махнула рукой. Мол, какая теперь разница?

Она села рядом с матерью, вытащила дрожащими пальцами сигарету, закурила и отмахнула дым от заснувшей матери, пересела от нее подальше.

– Выпить есть? – спросила она. – Виски или водка. Лучше виски.

Тамара и Паша снова переглянулись, он открыл бар, достал початую бутылку. Стал наливать в фужеры. Один из них протянул Лене, но Тамара его остановила.

– Сначала ключи, – сказала Тамара гостье и протянула руку.

– Что? – не поняла Лена, недоуменно глядя на нее. – Какие ключи?

– От моего дома, – холодно сказала Тамара. – Которыми ты дверь открывала.

– А ты не спеши, – усмехнувшись, покачала головой Лена. – Уже хозяйкой себя почувствовала? Не рано ли? Может, сначала похороним Сережу и почитаем вместе с адвокатом, что там в завещании сказано?

– А нет никакого завещания, – пожала плечами Тамара. – И быть не может. Дележ еще предстоит, а пока что ключи – на стол!

Помедлив, Лена выложила ключи от особняка ей в руку.

– Теперь пей, – сказала Тамара, сама подав ей фужер с виски. – Допьешь, и чтоб духу твоего здесь не было!

4

Петр Кольчугин еще несколько раз пытался связаться с Тamarой по сотовому, но безрезультатно.

– Вот сука, – пробормотал он, бродя по гостиничному номеру и кося взглядом в телевизор, где шла заставка последних известий. – Поди, решила, будто мне не терпится снова затащить ее в койку. Думает, что я большой кобель, чем она шлюха...

И перевел взгляд на Соломина, своего помощника по связям с общественностью. Тот учтиво улыбнулся.

– Может, лучше я ей позвоню? – предложил тот.

– Вот ты и позвони... – кивнул Кольчугин. – Скажи, нам нужно договориться, что врать в прокуратуре. Я-то приду туда поздно, а ее вызовут прямо сейчас... Звони, Андрей. Звони, не отставай! Буду в Думе, перезвони мне по мобильному... Объясни ей, что сейчас не до амуров с охранниками!

Он закурил сигарету и походил по номеру. Когда стали показывать сцену убийства Сергея Артемова, присел на краешек кресла, пару раз нетерпеливо взглянул на часы.

– Черт, пора ехать на Охотный... Кстати, из Нальчика еще не звонили? – спросил он Соломина.

– Пока нет, – пожал тот плечами.

– Ведь говорили, что позвонят утром! – воскликнул Кольчугин. – Может, ты выходил куда?

– Нет, никуда... И потом, вы забываете, у нас автоответчик.

– Такие вещи на автоответчик они не будут говорить... – махнул рукой депутат. – Мне родственники из Барнаула пару раз звонили, испугались, слышь? Мол, голос загробный им ответил или из космоса... До сих пор не привыкнул... Костя, я же просил тебя, ни на минуту не отходи, дождись звонка... – Он походил по номеру. – Вот почему до сих пор не позвонили, как ты считаешь?

– Трудно сказать. – Соломин пожал плечами. – Наверно, тоже видят сейчас, как угрохали Сережу... И раздумывают, а надо ли им в это ввязываться?

– Куда денутся... Уже ввязались... Значит, останешься здесь, будь на связи, ты понял? Но ни слова Рустаму о том, что в банке «Империл» заартачились! Пусть думает, что у нас все путем, и пусть поскорее выбивает правительственную гарантию на кредит... Это первое. Второе. Позвонят из прокуратуры, этот Турецкий, скажешь, что ничего я не забыл, просто очень занят, если не сегодня после вечернего заседания, то завтра обязательно там буду. Все понял, да? Тогда я пошел!

Когда он вышел из номера, Соломин через некоторое время выключил телевизор, подошел к окну, несколько минут постоял, глядя на Манежную площадь с ее декорациями, уличную суету. Решив, что времени прошло достаточно много и хозяин уже не вернется, если что-то забыл, он стал набирать номер на мобильном телефоне.

– Рустам Ибрагимович? – вполголоса спросил он. – Это я, Андрей.

– Привет, дорогой, что скажешь? – послышался рокочущий голос из далекого Нальчика.

– А что тут скажешь... Наверно, сами все видели по телевизору.

– Видел, да, бедный Сережа... – Он тяжело вздохнул. – Слушай, я ему завидовал, все ему завидовали, когда, помнишь, отдыхать к нам с супругой приезжал! Весь Нальчик сбегался на его Тамару посмотреть! Думали, сама Клавдия Шифер пожаловала! – цокнул языком Рустам Ибрагимович. – Такая женщина! И такое ей несчастье, ай-я-яй! Как она, бедная, сейчас переживает, а? Хоть есть там у вас, кому утешить бедную женщину?

– Хотите ей помочь? – хмыкнул Соломин.

– Нехороший разговор у нас, Андрей! – неодобрительно сказал, сменив тон, Рустам Ибрагимович. – Совсем нехороший! Человека убили, а мы о чем говорим?

– Вы сами спросили: есть кому ее утешить? – несколько растерялся Соломин.

– Я о родственниках спросил! – строго сказал абонент. – О Сережиных. Или о ее отце и матери... А ты что подумал? Родители у нее есть или нет?

– Н-не знаю, – тоскливо промямлил Соломин, посмотрев на часы. Он по опыту знал, что этого абонента лучше не прерывать напоминанием о делах.

– Вот видишь... Ей так тяжело сейчас! Можно ли ее в такую минуту оставить одну?

– Таким, как Тамара, не позволяют оставаться одной лет до пятидесяти, – терпеливо сказал Соломин, снова взглянув на часы. Подумал, что Петя потом будет орать: долго разговариваю и деньги налогоплательщиков перевожу на пустые разговоры...

– Эх, маладежь, – вздохнул Рустам Ибрагимович. – Не умеете красивую женщину уважить!

Старый козел. Сейчас скажет, что придется ему самому взять на себя опеку Тамары. И пригласит ее к себе отдохнуть... Еще один желающий на освободившуюся вакансию.

– Пусть как Сережу похоронит, сразу мне позвонит, – сказал Рустам Ибрагимович. – У тебя все?

– Нет, что вы, – испугался Соломин. – Я о другом. Петя меня спрашивает: готово ли письмо о правительственных гарантиях банковского кредита от «Империи»?

– Письмо-то в целом готово... – закричал абонент из Нальчика. – И визы есть, и за исходящим номером дело не станет... Но в свете последних событий стоит ли спешить, дорогой? Меня обязательно спросят, а кто курирует эту сделку, уж не тот ли самый народный депутат Кольчугин Петр Авдеевич, у которого уже троих партнеров, или помощников, убили одного за другим, а одного посадили?

– Но мы уже все раньше обговорили... – похолодел Соломин. (Такая сделка может сорваться!) – Неужели вы забыли?

– Я-то не забыл, дорогой! А вот начальству нехорошо напоминать о его склерозе. И что за банк такой «Империя», который готов нам дать кредит, и какая у него в этом свете репутация?

– Но это очень солидный, уважаемый банк! Они и сейчас, зная Кольчугина, готовы закрыть глаза...

– Не увлекайся, дорогой. Ты это мне говоришь или надиктовываешь на подслушивающее устройство?

– Это вы сказали!

– Вот именно... Боишься, да? Что Кольчугин узнает о нашей с тобой договоренности? Раз двойную игру затеял, так держи себя в руках! Ты не обижайся, дорогой, а стань на мое место. Мне сейчас придется напомнить своему начальству всю предысторию. Терпеливо и с фактами на руках. И столько раз напоминать, сколько раз начальники спросят. И что это за банк «Империя», и что за фирма «Импекс», и почему именно депутат Кольчугин это все курирует... Ему что, больше делать нечего? Ты все понял?

– Да... – тихо сказал Соломин.

– Говори! – требовательно сказал Рустам Ибрагимович. – Все как есть говори.

– Ну... Вы правы в своей догадке, банкиры тоже засомневались... – выдавил из себя Соломин.

Петя меня убьет, если узнает, подумал Соломин. И что до сих пор я не позвонил Тамаре. И за расходы на сотовую связь, и за оттяжку сделки, за которой может последовать ее срыв. Четвергует и колесует.

– Так и знал! – крикнул Рустам Ибрагимович. – Ну как в воду глядел.

– Но это была не наша инициатива, – сказал Соломин. – А ваше предложение. Вы же прекрасно знаете...

– Я же сказал, дорогой, – ласково сказал Рустам Ибрагимович. – Ничего не знаю, ничего уже не помню. Потренируйся, Расскажи мне еще раз, напomini, с чего все началось!

– Но не по телефону же...

– Почему не по телефону? Он же цифровой, у него фирменная гарантия конфиденциальности переговоров, верно я говорю? Или там, где ты находишься, могут подслушать?

– Специалисты недавно проверяли, не знаю... – вздохнул Соломин. – Говорили, все в норме.

– И у меня проверяли, – подхватил Рустам Ибрагимович. – И у меня все чисто. Значит, можем спокойно поговорить.

– Ваш сахарный завод в Нальчике просит кредит у «Империи» для закупки ста тысяч тонн сырья, так? – спросил Соломин, чувствуя, как его лоб покрылся испариной.

– Не знаю, Андрюшенька, может, и так. А может, и по-другому, – уже в открытую издевался Рустам Ибрагимович, словно видя его страдания. – Все?

– Кредит большой, требуется гарантия вашего правительства, – пробормотал Соломин.

– Цифры можешь не называть, – вздохнул Рустам Ибрагимович. – Я их помню. Удивительное дело, почему на цифрах, если речь идет о долларах, склероз не сказывается, не знаешь?

– Не знаю, не изучал сей медицинский факт... – ответил Соломин. – Дальше. Банк «Империя» дает кредит, торгово-закупочная фирма «Импекс» осуществляет закупку сырья за границей...

– Спасибо дорогой, что напомнил... А вот о том, почему у уважаемого народного депутата Петра Авдеевича третьего партнера убивают снайперы, меня все равно спросят. И что я скажу? А не будет исчерпывающего ответа, сам понимаешь, могут отложить вопрос до выяснения.

– Тогда Кольчугин будет искать других клиентов, менее чувствительных... – не выдержал Соломин.

– Ай, какой же ты нервный, нетерпеливый... Лучше скажи, ты о себе и своих комиссионных побеспокоился?

– Боюсь, половина моих комиссионных уйдет на оплату наших с вами переговоров, – не удержался Соломин.

– Так мало? – сокрушился абонент. – Совсем выдержки у тебя нет, дорогой! Все торопись, не умеешь поторговаться... Мы же договаривались: сам позвоню, когда будет сделано.

– Да это не я тороплюсь! Меня Петя уже затрахал на эту тему, – признался Соломин.

– Нехорошо о начальнике говоришь! – вздохнул Рустам Ибрагимович. – Ладно, никому не расскажу о ваших нетрадиционных половых отношениях... – тщательно выговорил Рустам Ибрагимович. – Откуда мне знать, дорогой, что вы там в Москве до сих пор живете на одну зарплату, как при развитом застое!

– Тогда, быть может, закруглимся? – нетерпеливо спросил Соломин и снова посмотрел на часы (убьет, непременно убьет, если не позвоню Тамаре!).

– Конечно, закруглимся, Андрюшенька! Сколько можно разговаривать, когда тема исчерпана, я правильно говорю?

– Ну тогда до свидания, Рустам Ибрагимович...

– Подожди... Что значит – до свидания? Во-первых, позвонишь мне и расскажешь все, что узнаешь о Петинском визите в прокуратуру. Правильно?

– Само собой... – нетерпеливо сказал Соломин.

– И потом, я так и не понял, передашь ты Тамаре мои соболезнования или нет? Мне, сам понимаешь, неловко ей звонить, сам знаешь, поднимут трубку посторонние люди, услышат мой кавказский акцент, нехорошо будут думать о девушке... Вы, русские, от нас, лиц кавказской национальности, только нехорошие дела ждете... Я правильно говорю?

– Значит, заслужили, – буркнул Соломин. – Своим поведением.

– И мое предложение ей тоже передашь, да?

– Предложение руки и сердца? – хмыкнул Соломин, от нетерпения переступая с ноги на ногу. Черт, надо немедленно позвонить Тамаре, вдруг ее уже вызвали в прокуратуру...

– А это ты мне мысль подал, дорогой, – завел новую тему Рустам Ибрагимович. – Неудобно это делать, пока мужа не похоронила, понимаешь? Вот как только передашь...

– И бумага о правительственных гарантиях будет сразу подписана? – перебил Соломин.

– Ай, дорогой! Нехорошо говоришь... Мудрые люди давно сказали: не мешай водку с портвейном, а дело с любовью!

– Так сами у нее потом спросите! – выдохнул Соломин. – Когда дело сделаем! Все, извините, больше не могу говорить...

И отключил аппарат.

Фу, черт, он вытер пот и посмотрел на себя в зеркало через открытую дверь ванной. Прилип как банный лист. Ладно... Что у нас в сухом остатке? Гибель Сережи Артемова их там, в Нальчике, насторожила, мол, не все там у них, в Москве, чисто, этого следовало ожидать, и потому правительственной гарантии пока нет и не будет. Это раз. А что у нас есть? А у нас теперь появилась сексапильная вдовушка, своего рода наш рычаг давления и влияния... Да нет, надолго ее не хватит. Стервоза та еще. Поставит на уши весь Нальчик. Хотя Томка не дура, должна бы понимать, что можно и чего нельзя...

Он лихорадочно раздумывал об этом, набирая номер ее сотового.

– Але, – послышался ее ленивый голос сквозь уличный шум и чуть слышное, ровное гудение мотора.

– Привет. Том, Авдеич обижается, почему не реагируешь на его звонки.

– Андрюша, это ты, что ли?

– Он самый. Ты куда сейчас едешь, если не секрет?

– Не знаю... Паша везет куда-то развеяться. Я ж теперь вдова, представляешь. Свободная женщина.

– Именно об этом следует переговорить, – терпеливо сказал Соломин, почувствовав некоторое облегчение. – В прокуратуру тебя еще не вызывали?

– А я туда и не собираюсь, – фыркнула она. – Сейчас посидим с Пашей где-нибудь, потом он отвезет меня в морг... Надо ж все оформить, похороны, поминки, то-се... Пока все не сделаю, никаких допросов, вопросов и следственных экспериментов! Если не дураки, они это понимают. И потому пока не вызывали. А вот твоего старого козла, Петра Авдеича, туда уже пригласили, сама слышала...

– Вот он и хотел сначала все с тобой согласовать. – Соломин привычно пропустил сомнительный комплимент в адрес шефа. – Чтобы показания не расходились.

Она промолчала.

– Твоего Сережку убили не за просто так, – продолжал Соломин. – Такое убийство – слишком дорогостоящее. Никто не поверит, что из-за бабы, ссоры или за давний должок. О чем это говорит, ты хоть задумывалась?

– Откуда я знаю?.. – озадаченно сказала она. – Других забот у меня нет? А что, Сережка во что-то ввязался или вляпался?

– Последнее, – сказал он. – Но об этом – не по телефону.

– Нет, скажи! На что ты намекаешь? – озаботилась она еще больше.

– Кстати, я только что разговаривал с Нальчиком, – сказал он, подумав и понизив голос. – Тебе привет от Рустамчика, очень тобой интересовался.

– Это который? – удивилась она. – Тот самый, что нас с Сережкой приглашал на шашлыки, да?

– Тебе лучше знать, – усмехнулся Соломин. – До сих пор под впечатлением от вашего знакомства...

– Еще один козел старый... – вздохнула она. – Ну прямо стадом лезут на меня! Уже под шестьдесят, а туда же.

– Я бы на твоём месте не очень-то такими бросался, – сказал Соломин. – Особенно после того, что случилось с Сережкой.

– Не поняла! – возвысила она голос. – Это ты на что намекаешь?

– То самое... Он в курсе всех наших дел. И очень горевал, когда узнал о гибели твоего Сережи. Это кое-что нам подпортило и кое-какие процессы замедлило.

– Хочешь сказать... У него с Сережкой были свои дела?

– С нами всеми – свои дела! – уточнил Соломин. – И сейчас ты, как наследница своего мужа, должна включиться в нашу общую работу.

– Я никому ничего не должна! Ты за этим мне звонил? – В её голосе послышались нотки стервозности.

– Короче. Немедленно позвони Пете, нашему избраннику и выразителю наших интересов в Государственной думе, – жестко сказал он.

– Это все, что ты хотел сказать? – повторила она.

Сейчас бросит трубку, понял Соломин. Зная её характер, лучше её опередить, чтобы почувствовала себя обойденной и уязвленной. Тогда сама будет искать возможности переговорить.

– Все, – сказал он и сам отключил связь.

5

Турецкий и Меркулов просматривали файлы, касавшиеся дел и заслуг покойного Артемова.

– Ну что, – констатировал Меркулов. – Артемов – дважды судимый, он партнер и помощник депутата Кольчугина, вроде ничем особенно не отличался от разного рода проходимцев, числившихся в помощниках депутатов Думы.

Они сидели в просторном кабинете зама генпрокурора Меркулова, перед ними стояли две остывшие чашки недопитого чая.

– Но, согласись, три погибших помощника у одного депутата, причем за короткое время и, согласно баллистической экспертизе, из одной снайперской винтовки, – это уже перебор, – ответил Турецкий. – Даже для столь почтенного учреждения, как наша Дума, где помощников депутатов и убивают, и сажают, или они пропадают без вести.

– И все трое застрелены ночью, – напомнил Меркулов.

– Живым остался только Геннадий Афанасьев.

– И тот уже второй год сидит за решеткой в темнице сырой, – буркнул Меркулов. – И Кольчугин опять ни при чем. Как с гуся вода. Неприкасаемый.

– Как бы до того Геннадия тоже не добрались, – предположил Турецкий. – Только чем и как его спасешь?

– Может, тебе или кому-то из вас съездить к нему туда и еще раз с ним поговорить? – предложил Меркулов. – А потом постараться перевезти сюда поближе, скажем в Бутырки?

– С переводом, сам знаешь, будет много волокиты, – сказал Турецкий. – Кстати, и убили Артемова, когда я только-только собирался вызвать его к себе в качестве свидетеля... Хотя главное сейчас – понять, кто и что за всем этим стоит?

– Неважно, о чем говорят, речь всегда идет о деньгах, – вспомнил Меркулов чье-то изречение. – Лучше напомни мне, кто таков сам Кольчугин?

– Так... Вот его файл, – кивнул Александр Борисович. – Наш Кольчугин в недавнем прошлом – провинциальный директор не то свечного заводика, не то банно-прачечного комбината. Когда помер прежний депутат, Сорокин, причем какой-то странной смертью, Петра Авдеевича выдвинули и избрали подавляющим большинством голосов...

– А кстати, кто его выдвинул?

– Местная партия то ли любителей пива, то ли бормотухи. Ныне, как ты понимаешь, не существующая. Или еще как-то называлась. Есть фирмы-однодневки, а есть партии такого же сорта... Да это и неважно.

– Спросим иначе, – кивнул Меркулов, – что-то ведь стоит за этой ныне не существующей партией... Кто?

– Что-то, помнится, было... Костя, давай, чтоб не отнимать у тебя времени, я лучше посмотрю у себя, потом тебе доложу, ага?..

У себя в кабинете Турецкий, теперь вместе с Германом Шестаковым, прошлись по файлам одновременно на двух компьютерах.

– Есть, вот, местная фирма «Импекс» в Липецке, а глава ее Александр Козин и есть, или был, председатель партии любителей пива, – нашел Гера на своем компьютере. – И он же, слышь, Борисыч, финансовый директор этой же фирмы.

– «Импекс» – значит, они что-то импортируют, что-то экспортируют, – пробормотал Турецкий. – Теперь надо бы поискать, что-то на эту фирму уже было...

– Может, этой фирмы уже нет в природе? – предположил Гера. – Или всплыла под другим названием? А кстати, вот первый зам Козина, зовут его Соломин, а о нем мы уже где-то

слышали... Ну да, вот он, Андрей Соломин, легок на помине. Тридцать один год, теперь он пресс-секретарь нашего дорогого депутата.

– Молодой – это ни о чем пока не говорит, зато связи у него старые... – заметил Турецкий.

Он набрал телефонный номер практикантки Зои Козыревой, работающей у него, и вызвал к себе.

высокая, стройная шатенка в деловом костюмчике и модных узеньких и округлых очках вошла в кабинет.

– Зоя, я просил тебя найти последнюю информацию по торговой фирме «Импекс», зарегистрированной, если не ошибаюсь, в городе Назрани, а ее адрес где-то в Липецке. Ты что-нибудь узнала? Она вообще сейчас существует?

– Да, пока существует, у меня есть их адрес, а также адрес ее филиала в Москве.

– Так надо было сказать мне это сразу! А мы-то ищем... Занеси мне эти адреса и, кстати, прихвати статью Игоря Залогина, помнишь, я тебе о ней говорил? Она была напечатана пару дней назад в его газете.

– Вспоминаю, там речь шла о погибшем помощнике депутата Артемове...

– Ты ее читала? – удивился Турецкий.

Прежние практикантки, кстати менее привлекательные, чем Зоя (Александр Борисович обычно предпочитал тех, кто не отвлекал его от дела), читали нужные статьи только по его приказу. Инициативу, как правило, не проявляли. В этом плане Зоя была первой.

– Ну да, Залогин – ваш знакомый, поэтому его статьи меня заинтересовали, – добавила Зоя, стрельнув взглядом в опять неженатого, с недавних пор, Геру, отчего тот заметно смутился.

– Так... Значит, принеси мне статью и еще... – щелкнул пальцами, припоминая, Турецкий. – Что еще?... Да, надо бы найти, где сейчас отбывает наказание Геннадий Афанасьев, бывший помощник депутата Госдумы Кольчугина.

– Того самого депутата Кольчугина? – спросила она.

– Да... Как всегда, место, статья, срок, режим отбывания. И как только что-то узнаешь, сразу доложи, но чтоб ни минуты задержки, как это получилось с адресом «Импекса». Все понятно?

– Понятно, – сказала она несколько обиженно. – У вас ко мне все?

– Скоро приедет Игорь Залогин, пусть идет сразу ко мне. Когда появится Кольчугин, отметь его пропуск – и тоже ко мне. А пока принеси газету.

Когда она вышла, Турецкий откинулся в кресле, посмотрел в окно, побарабанил пальцами по столу.

– Кстати, выпиши себе командировку в Архангельск, – сказал он Гере. – Тебе надо побывать в колонии ИТУ, где отбывает Афанасьев. Пока еще живой. Зоя сейчас принесет его точный адрес... Ну и реши на месте, как бы его перевести, от греха подальше, к нам, в Москву.

– Думаете, здесь ему будет безопаснее? – хмыкнул Гера.

Турецкий не ответил.

Что и кто за всем этим стоит – вопрос вопросов, раздумывал он. Сначала считалось, что всеми темными делами, связанными с «Импексом», крутит сам Кольчугин, полагаясь на свой депутатский иммунитет. Теперь ясно, что у него где-то есть могущественный соперник или конкурент, который, похоже, ставит ему подножки. Но пока не доводит дело до конца – очередного громкого скандала или убийства. Как если бы сам Кольчугин ему был еще нужен. Или служил прикрытием. Ибо одно дело ухлопать пару-тройку помощников депутата, другое – самого депутата. Резонанс может получиться нежелательный... Но кто этот соперник, который отслеживает все ходы Кольчугина?

Зоя вошла в кабинет и, не поднимая глаз, молча положила газету на стол. Обижена, не терпит резкого тона...

– Извини... – он положил руку на ее узкое запястье. – И спасибо.

Она подняла глаза, улыбнулась и так же молча вышла, чувствуя, как они смотрят ей вслед.

Все-таки современная причуда обязательного присутствия красивых девушек в офисе как бы для престижа конторы, подумал Гера, пока шеф разворачивал газету, весьма эффективна. Вот и прокуратура решила не отставать от времени. Посетителей это, безусловно, обезоруживает, но и сам персонал отвлекает на посторонние мысли и чувства... И еще все время чувствуешь себя виноватым, если что-то не так ей скажешь или не так посмотришь...

...Турецкий несколько раз перечитал один из абзацев в статье Залогина, потом жирно обвел его фломастером.

"...Почему и как было развалено дело о похищении тринадцатилетней дочери Погодина, бывшего бухгалтера фирмы «Аспект» и важнейшего свидетеля обвинения в деле о незаконном вывозе нескольких десятков миллионов долларов за рубеж...»

Стоп, эту историю он вроде помнит. Бухгалтер в суде отказался от показаний, и дочь ему сразу вернули... Но следствие городской прокуратуры оказалось довольно настырным. И по делу о похищении этой девочки проходил как раз Артемов. Как и почему оно развалилось? Придется все вспомнить.

«По делу о похищении дочери Погодина проходил некто Сергей Артемов, ранее судимый. Я был на этом суде и видел, как съезжилась и опустила взгляд дочка Погодина, когда увидела Артемова – всем довольного, скалящегося, посылающего привет кому-то из публики... Испуганная девочка так и не сказала ничего определенного, путалась, сбивалась. Чем превосходно воспользовались адвокаты. Разговоры на кассетах аудиозаписи, где, как утверждало обвинение, был зафиксирован голос Артемова, оказались с помехами, в результате эксперты отказались их идентифицировать».

Это Турецкий хорошо помнил. Следователи утверждали, что запись сначала была чистой, но потом откуда-то появились шумы... Этот случай потом подробно разбирались экспертами, но саму историю скоренько замаяли. Вернее, ее вскоре заглушили другие, более шумные и свежие скандалы... Шумы появляются только в сердце, их причина внутренняя, сказал по этому поводу генеральный, а в чистую аудиозапись их можно привнести только извне.

Залогин появился ровно через минуту после того, как Турецкий закончил читать его статью.

– Чай будете? – спросила Зоя, показавшись в дверях.

– Непременно, и с бубликами, – весело сказал Игорь, проводив ее взглядом. – Почему-то у вас они самые вкусные. Уж не сами ли печете?

– Нет, что вы! – Она обернулась уже в дверях и кокетливо улыбнулась. – Я их беру в соседней булочной.

– Ну-ну! – сказал Игорь Турецкому, когда она вышла. – А ты растешь! Говорят, чем выше ноги практиканток, тем выше и положение, занимаемое их начальством.

Игорь хотел развить эту мысль, но краем глаза заметил, как покраснело лицо Геры Шестакова, что было весьма неожиданно, и решил промолчать. В конце концов, Гера – молодой мужик, и красивые девушки, особенно после его недавнего развода, просто обязаны ему нравиться. С другой стороны, судя по всему, Гера до сих пор переживает. Но что он мог поделать со своей окаянной работой, отнимавшей все время и силы? Не каждая жена способна это понять.

– Читаешь? – спросил Залогин у Турецкого, кивнув на газету.

– Читаю... – рассеянно сказал Турецкий. – Значит, для тебя важнейшей уликой было поведение этой девочки на суде?

– Странный вопрос для работника прокуратуры, оперирующего только фактами, – усмехнулся Игорь.

– А я разговариваю не с коллегой, а с сочинителем, для которого собственные фантазии важнее фактов, – буркнул Турецкий, взглянув на часы. – Поэтому посерьезнее, пожалуйста.

– А если серьезно, думаю, это могло быть важным не только для меня. Скажем, суд присяжных обязательно отметил бы состояние девочки. Она была напугана и растеряна, но, когда в зале появился Артемов, просто сжалась и побледнела до синевы. Такое красноречивее любых улик. Можно было подумать, будто она увидела Сатану из страшного сна.

– Хочешь сказать, он заслужил такой смерти? – рассеянно спросил Турецкий, думая о своем.

– А ты хочешь, чтобы я сказал, будто убийство Артемова – это месть за ее похищение?

– У меня подобных версий... – Турецкий провел ребром ладони по горлу. – В том числе и эта. Все может быть. Я только стараюсь не забывать, что в основе всего лежит коллизия интересов, в конечном счете деньги, а все остальное – отвлекающие маневры.

– Замечательно. Ты мне позволишь использовать твоё выражение?

– Валяй! – великодушно заявил Турецкий. – Тем более что оно принадлежит не мне. Один умный человек сказал, правда немного по-другому. Мол, неважно, о чем говорят, – речь-то всегда идет о деньгах.

– А знаешь, с этим Артемовым, как и с другими помощниками Кольчугина, странно все складывается, – сказал Игорь, закуривая. – Он ведь и раньше был замешан в двойном убийстве. И тогда дело, по сути, спустили на тормозах.

– Это знаю, – кивнул Турецкий.

– Присяжные его отмазали, – подал голос Гера.

– Именно так. Когда я собирал этот материал, – сказал Игорь, – узнал, что, будучи уже под следствием, Артемов женился на молоденькой девушке по имени Тамара, фамилию уже не помню...

– Панкратова, – напомнил Турецкий. – Это и есть его нынешняя супруга. Чьи километровые ноги мы имели приятную возможность лицезреть, когда она садилась в джип убиенного супруга.

– Возможно... – кивнул Игорь. – И как оказалось, она раньше подверглась групповому изнасилованию, но то дело было закрыто, поскольку ее мать неожиданно забрала свое заявление, а сама потерпевшая отказалась от своих показаний. Так вот, я выдвинул версию, будто жертвами этого двойного убийства были как раз ее насильники.

– Я это помню. – Турецкий встал и заходил по кабинету. – Но я решил, что это твоя журналистская отсебятина, романтики ради. Как же, молодой человек отомстил насильникам любимой девушки, пошел под суд и в тюрьму, а она за это вышла за него замуж... Вот присяжные и растрогались. Я сам чуть не плакал, когда читал. Полагаешь, именно так все и было?

– Обижаешь, начальник! – покачал головой Игорь. – Мне потом по секрету рассказали в районной прокуратуре, где вели это дело... Мол, следствием не доказано, но Панкратова сама к ним пришла и чистосердечно все рассказала, с условием, что без протокола. Уверен, это и повлияло на вердикт обрыдавших присяжных. И поэтому Артемову дали всего ничего... Меньше нижнего предела, так сказать.

– Все может быть, – туманно сказал Турецкий. – Значит, это и была отомщенная жена Тамара? Слушай, но ведь она чуть ли не злорадствовала по поводу его гибели!

– М-да, вот это не совсем понятно...

– Сначала Артемов – благородный мститель, потом он же злодей-похититель, – снова встрял Гера. – Извините, но на Ромео и Джульетту эта история не очень-то тянет.

– Но ведь красивая вдовушка, а? – подмигнул ему Игорь.

– Ты чего, никак сватать его решил? – поднял брови Турецкий. – Так он еще после развода не отошел.

– А куда он денется! – смеялся Игорь. – Отойдет, и, судя по всему, скорее, чем ты думаешь... Вон какая практиканточка! – и кивнул в сторону двери, за которой недавно скрылась

Зоя. – С такой и забудется... Раньше у вас в прокуратуре, по-моему, такие девушки не водились?

– Давайте ближе к делу, – недовольно поморщился Гера, чувствуя выступившую краску на лице и сердясь за это на себя.

– Так что ты думаешь все-таки об Артеме?

– Похожесть этих двух историй необъяснима, – сказал Игорь. – То девочку изнасиловали, то потом другую похитили... суть одна, только некоторое перераспределение главных ролей.

– Это все слова, – сказал Александр Борисович. – Что для тебя, как литератора, вполне объяснимо. Однако нас это не приближает к разгадке дела ни на шаг. Насильники были убиты бог весть когда... Девочку похитили тоже не вчера. И если имеется какая-то связь, закономерен вопрос: чего так долго ждали? Нет, ребята, это все пустое... Хотя... Ладно, давайте закругляться. Все равно ни к чему не пришли. Извини, Игорь, что больше не могу уделить тебе времени. Скоро Кольчугин должен приехать. А до этого мне предстоит идти на ковер. – Он показал на потолок. – К Константину Дмитриевичу Меркулову с докладом о продвижении дела, которое ни на йоту не продвинулось... А ты, Гера, готовься к командировке.

В это время в кабинет снова заглянула Зоя.

– Александр Борисович, не помешаю? Вот данные о фирме «Импекс», а также о месте отбывания наказания Геннадием Афанасьевым, осужденном помощнике депутата Кольчугина. Это в Архангельской области, поселок...

– Спасибо... – Турецкий ее прервал, не поднимая глаз, и кивнул на стол.

Пожав прямыми, как у манекенщицы, плечами, она положила бумагу с информацией.

– Да, еще вопрос, Игорь: что ты знаешь о делах некоей фирмы «Импекс»? Если не ошибаюсь, ты и о ней что-то писал?

– Не ошибаешься, – кивнул Игорь. – Я польщен тем, что светила нашего сыска в твоём лице читают мои публикации без напоминания.

– В двух словах, если можно... – не обратил внимания на дружеское подкалывание Турецкий.

– Обычные дела. Ее руководство подозревают в том, что они берут завышенные кредиты на закупки, которые на самом деле производятся по заниженным ценам. Разница – в карманы участников сделки, а возврат кредита за счет конечных покупателей, то есть нас с тобой, которые, естественно, все это оплачивают... Но этого пока еще никто не доказал.

– Докажем, если потребуется, – кивнул Турецкий.

Игорь улыбнулся, кивнул и вышел вместе с Герой и Зоей. Турецкий снова прошелся по кабинету. Где-то здесь и надо копать. Чтобы вывести эту публику на чистую воду, нужно определить круг участников. Похоже, весь вопрос в том, насколько велик этот круг. Ибо чем он шире и выше, тем и неуязвимее, но тем легче также найти и слабое звено. Словом, вопрос в том, кто входит в этот круг? Кольчугин, Соломин... Кто с ними и кто им противостоит?

6

Ужин был необычно сытным, и Леха Корнеев понял, что этой ночью снова следует ожидать гостей. Опять повезут на дело. Что-то они зачастили... Врагов у них, что ли, все больше? И не успевают отстреливать? Возможно, придет тот же Михайлов, хотя он сегодня не дежурит. Но если он придет, значит, акция ожидается нешуточная. Раньше хоть давали отдохнуть. Кстати, судя по всему, в последний раз была тоже какая-то важная птица.

Он не ошибся. Ночью за ним пришли, и пришел именно Михайлов. Корнеев лишних вопросов не задавал, хотя внутренне напрягся.

– Далеко?

– «Визин» получишь по прибытии, – сказал Михайлов. – Собирайся.

В том же «уазике» его с двух сторон зажимали те же менты, с которыми Корнеев вежливо поздоровался, но они не ответили. Вид у них был сонный и недовольный. Хорошо, хоть не нагнули силком голову, когда подталкивали сзади в машину. Раньше вели себя повежливее.

Видно, произошло нечто неординарное. Михайлов тоже сел в машину, на переднее сиденье, рядом с водителем. И всю дорогу поглядывал на Корнеева через зеркальце. Эта поездка явно отличалась от всех прочих...

Подумав так, Корнеев беспокойно заерзал между ментами и, вытянув шею, поглядывал в окна, стараясь по каким-то внешним признакам определить, куда и зачем его везут.

Михайлов молчал, менты тоже безмолвствовали. Главное, без паники, сказал себе Корнеев. Я им еще нужен, уговаривал он себя. Где еще найдут такого специалиста? Пистолет либо бомба под машину – опасно. Свидетели всегда найдутся. Или могут засечь. То ли дело – снайперская винтовка! Не слышно, не видно... Ни шума, ни пыли, ни свидетелей. Шел человек – и вдруг упал. Да и, что важно, с глазами жертвы не приходится встречаться, когда ее убиваешь. Вроде движущейся мишени в тире парка культуры, где он, Леха, сызмальства привык выигрывать любые призы. Так что хозяин как видел его издали, так сразу закрывался или просил: иди, мол, в другое место. Что ты ко мне пристал? Разоришь ведь. Сукин сын!..

А так в зеленоватом и неверном свете прицела ночного видения видишь даже не человека, а точку на лбу цели, даже если половина лба загорожена головой телохранителя. И точно туда, в эту незащищенную точку, остается вклеить пулю.

Но весь вопрос в цене, продолжал размышлять Леха Корнеев. Что для заказчика важнее? Он – исполнитель, но он же и свидетель. А если последствия будут опасными, запросто могут решить, что от него дешевле избавиться. Правда, иди знай, каков будет следующий стрелок. Такой же или хуже? И не дороже ли себе обойдется?

Взять последний случай. Сколько стоил его выстрел? Какая важная шишка могла выходить из ночного клуба среди ночи? Что она там делала, рискуя репутацией? Ведь этих «випов», мать их так, уже всех знают наперечет. За такими везде бегают журналисты, как их там, папарацци, что ли?.. Им бы опасаться, что их в любой момент засекут с девочками... Значит, он не из «випов»? А чего на него тогда пулю тратить? Пырнули бы в подъезде, всего и делов... Ан нет, снайпера подавай! Но что-то не слышно, чтобы все вокруг рыдали и были в отпаде от известия о чьей-то гибели. Траурные флаги на домах не висят. А по радио, которое ему позволяют слушать, ничего такого о трагической гибели и широком возмущении народных масс не говорилось. Но это еще ничего не значит! Важную персону, которая всем здесь вертит, страна может и не знать в лицо. И даже не догадываться о ее существовании и роли в истории.

Куда ж его тогда везут? Если не в последний путь, то куда? И что за дело его ожидает, если «визин» может подождать?

Они выехали за город, ехали какое-то время по узкому шоссе среди высоких темных елей.
– Мне бы до ветру, – громко сказал Корнеев. – А то не выдержу.

И встретился взглядом с Михайловым в зеркальце.

– Раньше надо было думать, – проворчал сидевший рядом мент.

– А кто мне сказал, сколько будем ехать и куда? – спросил Корнеев.

Менты переглянулись. Похоже, им не нравилось это место. Лес, темно, ни зги не видно.

Если что, и с собаками потом не найдешь.

– Не мешало бы и нам отлить... – вполголоса сказал водитель Михайлову.

– Ладно, останови, – сказал Михайлов. – Только быстро. А вы проследите.

– Ген, может, брючный ремень с него снять? – спросил тот, что сидел слева.

– Или ботинки? – отозвался тот, что справа.

– И трусы на подтяжках... Обойдемся, – лениво произнес Михайлов. – Куда денется?

Далеко не отходите. Времени и так в обрез.

Они выбрались из машины, подошли к придорожной канаве.

И тут Корнеев вдруг сиганул через нее и побежал, нырнул в ближайшие кусты, которые с треском перед ним раздвинулись.

– Не стрелять! – услышал он голос Михайлова.

Черт, выходит, мочить сегодня не собирались, пронеслось в сознании Корнеева, усиленно работающего ногами и руками, но теперь уже все равно... Рано или поздно, все равно бы... А другого случая не будет.

Он слышал сзади пыхтение и сопение гнавшихся ментов. Куда им!.. Засиделись, зажрались, залежались...

Он и сам чувствовал, как начинает частить его дыхание, поплыли перед глазами круги, а сердце билось уже в горле... Так его надолго не хватит... А долго и не надо, похоже, оторвался. По крайней мере, не слышно их пыхтения и чертыханья. Он даже позволил себе оглянуться и, когда убедился, что ментов не видно, где-то далеко сзади шарили лучи их фонарей, перешел на шаг.

И в этот момент ослепляющая боль в подбородке опрокинула его навзничь.

Михайлов обогнал его сбоку, дождался за деревом и встретил прямым ударом в челюсть.

Корнеев очнулся от боли в груди и в ребрах, застонал, чувствуя липкое тепло, растекавшееся по лицу.

– Хорош, – услышал он негромкий голос Михайлова. – Осторожно, говорю! Только не по голове. И руки, руки смотрите не заденьте... Помогите ему, вроде очухался.

Кто-то окатил Корнеева из ведра. Михайлов присел перед ним на корточки.

– Решил, что мы возем тебя мочить? – усмехнулся он. – Для этого не обязательно куда-то далеко вывозить...

Корнеев огляделся мутным взглядом. В голове шумело. При свете фонарей он различил прямо перед собой лицо Михайлова, рядом водителя с монтировкой в руках, а сбоку ментов. Похоже, они только что месили его ногами по ребрам.

– Ну-ка отойдите, нам есть о чем потолковать, – сказал им Михайлов.

Когда менты и водитель отошли, он насмешливо спросил у Корнеева, отведа луч фонаря в сторону:

– Головка бо-бо? В глазах круги?

– А я вам свеженький нужен, да? – сел и не без труда спросил разбитыми губами Корнеев. – Опять кого-то шлепнуть? Я не прочь. Но потом сидеть и ждать, что я буду следующий?

Михайлов озабоченно спросил:

– Ты мне поверишь, если сейчас скажу, что давно им говорил: пора ему, то есть тебе, открыть все карты?

– И что, Гена, ты их откроешь? – недоверчиво спросил Корнеев, приподнимаясь с его помощью.

– Думаю, теперь можно... – Михайлов оглянулся, провел лучом по ближайшим кустам. Были слышны голоса удалявшихся ментов. – Но только между нами. Потому как мне тоже надоело, в натуре, за тобой гоняться. Два раза поймал, в третий раз ведь убежишь... И мне же за тебя отвечать, верно?

– Соврешь что-нибудь... – усмехнулся Корнеев и охнул от боли.

– Как говорят в импортных фильмах, у тебя есть другой выбор? – усмехнулся Михайлов.

– Если тебя, такого крутого, ко мне приставили, выбора, думаю, у меня нет, – в тон ему ответил Корнеев.

– Ну тогда слушай, в натуре! И не перебивай старших. Насчет тебя есть окончательное решение, понял?

– Пришить на месте? – сказал Корнеев. – После того, как пришью всех ваших врагов? Так они ни у кого вроде не убавляются.

– В том-то и дело, – кивнул Михайлов, поддерживая его. – В таких делах конца нет и быть не может... Сам понимаешь: такие, как ты, нужны будут всегда. Как и гробовщики. И это наши бугры давно поняли. Они не дураки.

– Но ведь собирались меня мочить, да? – спросил Корнеев, прижимая ладонь к разбитому рту. – Только честно.

– Какая тут может быть честность? – криво усмехнулся Михайлов. – Проблема-то у нас у всех одна. Все хотим знать: нужен ты еще или не нужен. И точка. Понял, да? Вот я пока нужен, и меня не гонят... А насчет тебя, если честно, поначалу решили, в общем, как ты подумал... И я уже имел на этот счет инструкции. Что смотришь? Говорю все, как есть! Ну, пойдём уже...

– Давно бы провел со мной разъяснительную работу... А как я должен, по-твоему, на это смотреть? – спросил Корнеев. – Что я, не понимаю?... Что я, не чувствую, кто чем дышит? Ну так рассказывай, рассказывай...

Он оперся на подставленное плечо Михайлова, и они отправились к дороге.

– А ты потом опять дашь деру?

– Смотря что и как расскажешь.

– Черт с тобой... Расскажу, раз начал. Потом, они сами видят: врагов, как ты верно говоришь, только прибавляется. И значит, конца твоей работе не будет. А спец ты, все знают, уникальный. Последний случай наши знатоки разбирали – только руками развели. Как ты, в натуре, ему в лоб между другими головами залепил!.. Никто ведь не верит!

И Михайлов покачал головой в знак восхищения.

– И что твои бугры решили со мной дальше делать?

– Что пора заключать с тобой контракт, как на воле. Чтобы еще больше старался. И работал только на них. Сидеть в тюрьме и отрабатывать – без личного интереса – так долго нельзя. Всякие мысли в голову приходят: как сбежать, и вообще... Что сегодня и приключилось. Ведь мог и сбежать, а я за тебя потом отвечай.

– От тебя сбежишь... – хмыкнул Корнеев.

– Ну, если потренируешься... Наконец до них дошло. Раз у нас теперь рынок, значит, твой личный интерес тоже следует учитывать, понятно? Вот так они и решили, чтоб ты еще лучше работал. Партнерство называется. А я им давно про это говорил!

– Понятно, – кивнул Корнеев, ощупывая разбитый рот. – Вроде акции мне сунут. Зато двух зубов как не было. Теперь я тебе должен столько же выбить, чтобы по справедливости, тогда поверю.

– Вставим! – уверенно сказал Михайлов. – Значит, так... Сделаем здесь еще одно дело и сразу в Швейцарию полетим с тобой, в лучшую клинику. Поправят тебе зубы – ты малый видный, от баб отбоя не будет.

– Ты про что? – не понял и даже остановился Корнеев.

– Еще раз: это последнее твое дело здесь, в России, – сказал Михайлов, понизив голос. – Дальше бугры кладут на твой счет энную сумму, и летим с тобой на гнилой Запад. Понял? Но только после той акции, на которую едем сейчас! – Он посветил себе на часы. – Больше ни о чем не спрашивай. Я полечу с тобой и буду при тебе смотрящим. И телохранителем, продюсером. Будем, в натуре, жить в пятизвездочных отелях за счет заказчиков... Что, не верится?

– А зачем твоим буграм эта лажа? – остановился Корнеев.

– Идем, Леха, идем! – хлопнул его по плечу Михайлов. – Времени нет! Ты на сегодня самый что ни на есть наш экспортный товар, неужели не понятно? Нефть там, газ, золото, шлюхи – это экспорт традиционный. А на мокрушников такого класса, вроде тебя, теперь на Западе тоже появился спрос. И немалый. Вот мои бугры доперли и теперь хотят иметь процент с твоих заказов... Понял наконец? Мы еще с тобой весь мир объездим, везде побываем, все бабы будут нашими!

Он достал из заднего кармана плоскую флягу из нержавеющей стали, открутил колпачок.

– Выпей! Сейчас коньяк для тебя самое то. И забудь, не бери в голову, все у тебя впереди!

А что карточку попортили, извини, сам виноват...

– А как же... – не понял Корнеев. – А если у меня сотрясение?..

– Да нет у тебя никакого сотрясения! Все нормально! Сейчас доедем до станции, там сядем в поезд, ночь поспишь, отдохнешь.

– А куда хоть путь держим?

– На север, к Белому морю... Не был там никогда? Значит, увидишь...

Когда они вдвоем вышли к машине, менты удивленно переглянулись. Корнеев и Михайлов шли, как показалось в темноте, в обнимку. Во всяком случае, когда они подошли ближе, стало видно, что рука контролера дружески лежала на плече беглеца.

В Архангельске, куда Михайлов и Корнеев прибыли через сутки, двое местных коротко остриженных амбалов в кожанках ожидали их в небольшом стареньком автобусе на вокзальной площади. Они отвели Михайлова в сторону, коротко переговорили. Сразу дали ему два железнодорожных билета на поезд до Москвы. Переговорив, с интересом посмотрели на Корнеева.

Их везли полночи по поселочной дороге среди леса, и Корнеев все это время спал, свернувшись клубком на заднем сиденье. Когда приехали, Михайлов его растолкал.

Утреннее солнце с трудом пробивалось сквозь пахучую хвою соснового леса. Издали были слышны частые удары о рельс, каким обычно будят и созывают эжков на построение, и чьи-то голоса, отдававшие команды.

– Вот смотри, – Михайлов передал ему увеличенную фотографию какого-то мужика с гладким лицом, прилизанными волосами и при галстучке. – Вот это он и есть... Сейчас-то он другой, без галстучка и стрижен под Котовского... Но ты его узнаешь. Он будет стоять по стойке «смирно» и ждать, когда ты ему влепишь в лоб. Фамилия его Афанасьев, то есть на «а», и будет стоять он первым справа, в первом ряду, ну, сам увидишь... На это и ориентируйся. Учти, его постригли и он здорово мог похудеть. А так рост средний, морда сонная и квелая, как у тебя...

Амбалы услужливо рассмеялись.

– И смотри не спутай! Если сомневаешься, скажи сразу.

– А если он будет стоять во втором ряду? – спросил Корнеев.

– Вон туда полезешь, – Михайлов показал на сосну, стоявшую на бугре. – Там все увидишь – и первый ряд, и второй. Понял? Лазать умеешь? Не разучился еще?

И передал ему веревку с проушинами, с помощью которых, Корнеев как-то видел это по телевизору, туземцы залезают на пальмы за кокосами, обхватив ствол с ее помощью.

– Там вон развилка, – сказал один из амбалов, тоже взглянув на сосну. – Залезешь с этой веревкой, потом по ней поднимешь к себе винт, – он указал на винтовку с глушителем, к которой его приятель прилаживал оптический прицел.

– Лучше я сам, – сказал Корнеев, оторвав того от малознакомого для него занятия. – Пока поднимем, может и сбиться... А сколько дотуда метров?

Амбалы переглянулись, пожали плечами.

– Триста, – нетерпеливо сказал Михайлов. – А может, пятьсот. Сам определишь! Не теряй времени... Уже строятся, слышишь?

Пожав плечами, Корнеев поплевал на руки, обхватил с помощью веревки ствол сосны, полез наверх.

– Могешь! – воскликнул Михайлов, опершись рукой о ствол. – Будто всю жизнь лазил!

И чертыхнулся, уловившись об острие сломанного сучка.

– Чего случилось? – спросил Корнеев сверху.

– Да тут... сучок какой-то, напоролся... – Михайлов приложил пораненную ладонь ко рту. – Да черт с ним! Все нормально!

Корнеев устроился поудобнее на развилке, спустил вниз веревку. Осторожно поднял с ее помощью сначала винтовку Драгунова, потом прицел, быстро его установил. И выставил дальность на глаз... Метров четыреста, не больше... Он пригляделся к выстроившимся зэкам. Вон, похоже, тот, что на фото. Корнеев еще раз взглянул на фотографию. Он или не он? Стоит, то ли сощурившись, то ли зажмурившись, навытяжку, ждет завтрака, потом развода на работы... За что его, интересно? За что сидит, можно догадываться, а вот кому он вдруг помешал?

Лучше об этом не думать, это только мешает. Пуля ему в лоб, и – в Швейцарию. Вот про это и надо думать. Если Генка не свистит, конечно... А зачем ему врать, с другой стороны? И потом, очень уж увлеченно он про Швейцарию рассказывал. Сам доволен – какой дурак откажется от такой заграникомандировки?..

И снова приложился к оптическому прицелу... Так он или не он? Черт, чуть не забыл. А где «визин»? Он наклонился вниз.

– Что? – встревоженно спросил Михайлов.

– «Визин»! – крикнул Корнеев.

– Козел, давай сюда веревку! – Михайлов выругался и стал шарить по карманам. – Раньше не мог сказать? Так не увидишь?

Он нашел наконец пузырек, обвязал его носовым платком, привязал к веревке и махнул рукой.

– Вира! – И стал смотреть наверх, прикрыв глаза рукой от лучей поднимавшегося солнца.

Корнеев быстро закапал в оба глаза, снова склонился к прицелу... Он. Тот самый. Ошибки нет. Стоит и жмурится, будто в ожидании удара. Или что-то предчувствует?

Он затаил дыхание... Нет, лучше дождаться, пока выкрикнут его фамилию и внимание от него перейдет на следующих. Это позволит выиграть несколько минут. Звука выстрела никто не услышит. Упал и упал. Может, обморок или инфаркт. Пока его поднимут, пока спохватятся, позовут санитаров...

Он видел, как беззвучно, приоткрыв рот и дернувшись всем телом, Афанасьев что-то выкрикнул – то ли свою фамилию, то ли свой номер. Потом то же самое сделал его сосед. Переключка шла своим чередом...

Оторвавшись от прицела и закрыв глаза, Корнеев снова выдохнул. Лес просыпался, пели птицы. А это, кстати, плохо. По встревоженным птицам можно будет понять, откуда стреляли...

– Ну ты чего там? – спросил снизу Михайлов.

Корнеев не ответил. Взглянул на лес, потом снова посмотрел в прицел, нашел лоб Афанасьева. Подумав немного, передвинул планку дальности – на долю риска, всего-то на микроны приподняв ствол. Хотя этот лоб в прицеле находился в досягаемости прямого выстрела, рисковать не стоило. Сейчас, как никогда, важен каждый сантиметр. Чуть ниже или чуть выше –

и прощайте пятизвездочные отели с податливыми телками, загорающими возле голубых бассейнов, какие он видел в телесериалах.

В который уже раз он приник к окуляру. Мало сосредоточиться. Нужно забыться. Сейчас он уже не целился, а ловил это редкое мгновение слияния, единства прицела с целью, как опытный бильярдист – выверенного удара кия, зигзага двух шаров и шлепка в лузу. Только тогда приходит абсолютная уверенность, что промаха не будет. И останется лишь плавно нажать на спуск. Он подвел его к точке фиксации. Потом легонько дождал.

В полной тишине послышался громкий щелчок, винтовка дернулась, птицы на ближайших деревьях загалдели, стали взлетать с ветвей и кружить над покинутыми местами...

– Ну что? – снова спросил Михайлов.

Леха снова не ответил. Смотрел в прицел и видел, как на том месте, где только что стоял в строю Афанасьев, столпились зэки, которых расталкивали конвойные. И никто пока не смотрел в сторону леса, все размахивали руками и беззвучно орали.

Потом на мгновение, не больше, разглядел то, с чем он только что был слит воедино. Убитого несли на руках – с запрокинутой назад и залитой кровью головой, с бессильно болтающимися руками...

Эти руки, как у куклы, были для него свидетельством, которое не потребует вскрытия.

– Готов! – сказал он вниз и стал торопливо спускаться.

– ...На неразбериху дадим им десять минут, – говорил Михайлов уже в автобусе, когда ехали назад. – Пока там будут узнавать, кто ему черепушку проломил, выстрела никто же не слышал... Пока вскрытие сделают... И пулю найдут. Еще час, не меньше, верно? – Он хлопнул по плечу ближайшего амбала.

– Ну, – подтвердил тот. – А когда рассчитаемся? Ты что, забыл?

– Дай хоть подальше отъехать! – Михайлов приложил руку к груди. – Не терпится?

Минут через двадцать другой амбал, тот, что сидел за рулем, остановил машину.

– Ну все, – сказал он. – Хорош. Отъехали. Расчет по исполнению, верно?

– Вы что, пацаны, мне не верите? Вот не терпится! – Михайлов хлопнул теперь себя по колену. И выглянул из окна автобуса, осмотрев дорогу. – Вроде никого. Подальше бы, конечно... Ну да ладно, расчет так расчет.

Он достал из куртки бумажник, отсчитал сорок банкнот по сто долларов.

– Считай! – Он небрежно бросил сидевшему рядом с Корнеевым амбалу.

Водитель обернулся к ним и, когда тот пересчитал, подозрительно сощурился на Михайлова:

– Ты че, в натуре! Мы как договаривались? По четыре на рыло, верно?

– Ах, ну да, извини, друг, я сейчас... – И снова полез в карман.

Корнеев смотрел прямо перед собой. Действительно, чего тянуть? Рассчитался бы с ними сразу, и жопа об жопу – кто дальше отскочит.

Два выстрела, оглушительных в салоне, отбросили его в угол сиденья, он невольно сжался, закрыв руками голову. Но ни удара, ни боли не почувствовал. Услышав чей-то стон, открыл глаза, оглянулся.

Михайлов спокойно разглядывал истекающего кровью, стонущего амбала. Второй водитель сползал вбок, уткнувшись лицом в руль, из его затылка сочилась кровь.

Корнеев ошарашенно посмотрел на него. А Михайлов тем временем, столкнув стонущего на пол, снова выстрелил ему в голову. Тот дернулся в последний раз. Михайлов спокойно посмотрел в глаза растерянному Корнееву.

– Не бойсь, Леха, к тебе это никакого отношения не имеет, – криво усмехнулся он. – Ты нужен, говорил уже... Что, впечатляет? Ну да, ты ж привык это видеть издали, а вблизи выглядит по-другому... Еще погоди, кто знает, может, тебе тоже придется запачкаться.

– Зачем это? – спросил Корнеев, приходя в себя.

– Зачистка входила в операцию последним пунктом. Чтоб никаких свидетелей...

– Так дальше и поедем? – спросил Корнеев.

– Нет. – Михайлов достал местную карту, как оказалось, заготовленную заранее. – Через пару километров через лес будет деревня Елисеевка, оттуда до Архангельска каждые три часа идет рейсовый автобус. Через час с четвертью очередной рейс. Времени навалом. Пока дойдем, как раз стемнеет. До этого лучше не светиться. Выйдем к автобусу, только когда он подойдет. А сейчас, Леха, поаккуратнее, смотри не запачкайся. Давай вылезем и осмотрим друг друга. Чтоб никаких следов.

– А этот автобус?

– Сделаем как надо, – кивнул Михайлов.

Он аккуратно собрал рассыпанные доллары, сложил их в пластиковый пакет. Потом достал из кабины канистру, разлил остатки бензина по всему салону, установил некое устройство с тикающим механизмом.

Когда они отошли достаточно далеко, сзади послышался хлопок, над деревьями поднялся дым... Михайлов достал все из тех же внутренних карманов сотовый, набрал номер.

– Все о'кей, – сказал он кому-то. – Возвращаемся, готовьте встречу.

В лесу они набрали на ручей, в котором отмыли от крови доллары. Только после этого Михайлов несколько расслабился. И снова достал свою металлическую флягу.

– За удачу, Леха! И за успех!

Дальше все шло, как сказал Михайлов. Сели в деревенский автобус, потом в поезд, через сутки были в Москве. Там уже о тюрьме не было и речи. Михайлов отвез Леху на такси в район Тропарево, поселил в однокомнатную квартиру, где Корнеева уже ждали документы, деньги и приличная одежда.

7

Игорь услышал трель сотового в начале дня, когда приехал на работу и уже входил в свою редакцию. На ходу вытащил.

– Да, я слушаю!

– Это журналист Залогин? – спросил, помедлив, женский голос.

– Да-да, я вас слушаю... – Игорь на ходу здоровался, кивая направо и налево. – А вы, простите, кто?

– Я сестра погибшего Сергея Артемова, вы о нем писали. Меня зовут Елена. Очень хотела бы с вами поговорить...

– Если у вас есть какая-то информация, быть может, вам лучше обратиться в Генпрокуратуру?

– Я там никому не верю! – безапелляционно сказала она. – Хочу рассказать вам все, что знаю, а уж вы решайте сами.

– А мне вы доверяете?.. – хмыкнул Игорь, взглянул на часы. – Хорошо, приходите ко мне в редакцию через пару часов, в семнадцатую комнату... Вы знаете, где наша редакция?

– И очень хорошо даже знаю, – сказала она с некоторым раздражением.

– Скажите отдельно вашу фамилию, имя и отчество, чтобы я мог выписать на вас пропуск.

Через два часа он подумал, что не худо бы проинформировать Турецкого, возможно, если у него есть время, он тоже захочет послушать, что расскажет та, кто называет себя сестрой Артемова. И набрал его номер.

– Мне некогда, – устало сказал Турецкий. – Ночь не спал... А сейчас надо ехать в отделение, где предварительно расследовали убийство Артемова... Буду там, звони мне по сотовому, если возникнет что-то интересное... Кстати, чтоб ты знал, вчера в исправительном лагере под Архангельском убит бывший помощник Кольчугина Геннадий Афанасьев.

– Да ты что! – присвистнул Игорь.

– Убит точно так же, как Артемов, выстрелом в голову из снайперской винтовки, во время утреннего построения. Стреляли издалека, говорят, сначала ничего не поняли, даже выстрела не было слышно... На этом пока все, поэтому давай без лишних вопросов.

В трубке послышались гудки.

Игорь откинулся на спинку кресла. Закинул руки за голову, немного покачался.

Значит, все продолжается: вокруг Петра Авдеевича Кольчугина кто-то старательно выкашивает помощников. Как если бы его тем самым предупреждали, чтобы правильно себя вел. Причем это происходит всякий раз, едва заходит речь о его партнерах или помощниках – в печати или в прокуратуре. Только два дня назад говорили об Афанасьеве, осужденном за какие-то темные дела, мол, хорошо бы его потрясти. Турецкий стал узнавать, в каком лагере тот сидит и по какой статье, и хотел направить туда своего сотрудника Геру Шестакова... И надо же, будто кто-то заглянул через его плечо в предоставленную справку и сразу послал по адресу того же снайпера-убийцу. Ведь по времени все именно так и получается... Какое-то проклятие висит над народным депутатом Петром Кольчугиным!

Или... он сам это и делает? Отсекает «целебным ножом больные члены», как сказал бы поэт, то есть тех из своих партнеров, кого стали выводить на чистую воду? Чтобы самому остаться чистеньким? Все может быть. Только откуда у него такие возможности, это же должны быть высокие связи и очень большие деньги...

Елена Артемова быстро, без стука, вошла в его кабинет, без приглашения села в кресло напротив стола, после чего, опять же не спросив разрешения, закурила сигарету. Похоже, это

был ее прием. Выпустив дым, через который изучала лицо собеседника, она покачивала обнаженной до середины бедра ногой.

– Вы – Стрелец, я угадала? – спросила она вдруг.

– С чего вы взяли? – удивился Игорь.

– Я, конечно, могу ошибиться... – она сощурилась. – Но мне это нужно обязательно знать, чтобы найти с вами верный тон разговора. Я, кстати, Рак. Теперь понимаете?

– Как вам сказать... – Он развел руками. – Если честно, не очень.

– Ну да, не верите, – кивнула она. – Так вот, чтобы не отнимать у вас время... Я с мамой была в доме Артемовых, когда произошло это загадочное убийство моего брата. Мы туда приехали навестить Сережу, но сначала никого там не застали... Тамара приехала поздно, уже под утро, причем не одна, понимаете? Она была с одним охранником Сережи, зовут его Паша, причем я застала их внизу в гостиной, фактически неглиже. Ну, вы понимаете? У молодого человека, я извиняюсь, не были застегнуты брюки... Так вот вскоре после того, когда по телевизору сообщили о гибели Сережи, Тамара потребовала, чтобы я вернула ей ключи от ее дома! Не теряя при этом присутствия духа. Понимаете, да? Мне эти ключи дал покойный Сережа, чтобы мы с мамой могли приезжать к нему в любое время, а эта сука... – Она всхлипнула. – Нет, я просто уверена, что они с этим Пашей все сделали, чтобы избавиться от бедного Сережи, завладеть его домом и всем имуществом...

И поднесла платочек к намокшим глазам.

– Послушайте, Елена Николаевна, – наконец удалось вклиниться Игорю. – Дело в том, что жена погибшего Артемова Тамара была на месте гибели своего супруга возле казино «Золотая львица». Ее туда вызвали, понимаете? Это было около пяти утра, если не позднее. Что касается телохранителя Паши, то он той ночью был вместе с вашим братом в этом казино. И другой телохранитель, плотный такой, лысоватый, наверно знаете, велел ему отвезти Тамару домой, поскольку ее состояние... сами понимаете...

– Как?.. Тогда я ничего не понимаю! – воскликнула Елена. – При чем тут ее состояние! Когда мы с мамой спустились, услышав производимый ими шум, поверьте, они бурно радовались жизни!

– Если бы я был следователем, я бы сказал, что это еще ни о чем не говорит... – пожал плечами Игорь. – Извините, но вы насмотрелись латиноамериканских сериалов. Их тайная связь еще не означает, что они решили от него избавиться.

– Да, но я только что от вас услышала, что она уже знала о гибели Сережи! Да она закартила при мне такую истерику, такой рев, когда по телевизору показали мертвого Сережу, будто только что об этом услышала! А она, оказывается, все уже знала и была там? Вы не ошиблись? Ах ты сука! Теперь вы убедились в моей правоте?

Игорь ничего не ответил, только испытующе смотрел на нее. А она даже вскочила с места.

– Молчите? Вот видите? Почему она мне врала? Теперь понимаете? А еще защищаете их!

Она буквально сияла, словно уже видела ненавистную невестку на скамье подсудимых.

– Во-первых, сядьте. Я ничего такого не говорил и никого не защищаю, – негромко сказал Игорь. – Я не прокурор. Говорю только то, что видел и слышал. Во-вторых...

– Ну-ну, – сощурилась она, наклонившись к нему через стол и почти вывалив свою переспелую грудь из низкого декольте. – А в третьих, самое главное, да?

– Пожалуй. Только что убили еще одного, уже третьего помощника депутата Кольчугина, Афанасьева. Может быть, слышали? Вряд ли вдова вашего брата и его охранник приложили к этому руку.

– Этого, Афанасьева? Он сидел в тюрьме, если не ошибаюсь? Где, между нами говоря, самое место вашему любимому депутату.

– Еще раз. Я не веду расследование! Вам нужно обратиться с этой информацией к старшему следователю по особо важным делам Генпрокуратуры Турецкому Александру Борисовичу.

Она села, разочарованно глядя на него.

– Но они могли этого Афанасьева специально заказать! – воскликнула она. – Чтобы увести следствие на ложную тропу, мол, всех помощников так или иначе убивают! Чтобы они подумали так, как вы только что сказали. Разве не может быть?

Игорь молча пожал плечами, выразительно посмотрев на часы.

– Хотите сказать, что ничего о ней не напишете? – спросила она дрогнувшим голосом.

– О ком – о ней? – не понял Игорь.

– Как о ком? – Она выпрямилась. – О Тамарке! О том, что она со своим любовником задумала и сделала, чтобы завладеть имуществом мужа! И для того, чтобы отвлечь следствие, они поубивали и других помощников Кольчугина... Нет, вы представьте, эта сучка сказала мне, что никакого завещания нет, и потому все перейдет к ней!

Беда с этими любительницами сериалов, подумал Игорь. С другой стороны, действительно странно, зачем тем было разыгрывать перед ней какой-то дурной спектакль?..

– Ваш брат погиб совсем молодым, – сказал Игорь. – Ему было всего-то двадцать семь лет. В его годы я тоже не задумывался о таких вещах, как завещание. И сейчас не задумываюсь, если честно.

– А вам сколько? – неожиданно поинтересовалась она.

– Мне?.. Тридцать четыре. А что? Это важно?

– Женаты?

– Второй раз, первая жена погибла, осталась дочь. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Все сходится. – Она кивнула, давая остаток сигареты в пепельнице. – Вы же – Стрелец, я уже говорила... Я так и думала. И заранее все знала! Вы все делаете из чувства противоречия. Например, вам наверняка говорили: не пишите про Сережку, а вы написали! Теперь я говорю: напишите про Тамарку, она же сука, каких мало!

Она выкрикнула это, потом зажала себе рот рукой, испуганно глядя на хозяина кабинета. Игорь осуждающе покачал головой.

– Да ладно вам, – сказала она извиняющимся тоном. – Наверняка вы здесь еще не такое видели и слышали...

– Да уж, – согласился Игорь. – Чего только не видел и не слышал. Так что вы еще хотели сказать?

– То самое... А когда я прошу написать про то, чем она занимается, вы отказываетесь! Что смотрите, скажете – не так?

– Еще раз... Я могу писать только по материалам дела, а не по чьим-то рассказам и предположениям, какими бы правдивыми и оригинальными они ни показались.

– Вы хотите сказать, что сначала их должны осудить – Тамарку и ее хахалю? – перебила она.

– Не обязательно, – терпеливо сказал Игорь, уже открыто взглянув на часы. – Могу писать о каком-то деле и до суда, чтобы привлечь к нему внимание общественности. Но я должен быть в этом уверен...

– Так вы не верите мне?.. – горестно сказала она. – Вот тут я в вас обманулась, если честно. Хоть вы и Стрелец.

– Другое дело, если следователь Турецкий, у которого есть возможности для выяснения, сбора и идентификации доказательств, подтвердит вашу версию, – вздохнул Игорь. – Обратитесь к нему. Я его хорошо знаю. Мало того, я сам ему расскажу про ваш визит. Вам дать его телефон?

– А он кто? – спросила она.

– Следователь Генпрокуратуры по особо важным делам, вы не слушаете... – поднял глаза к потолку Игорь.

– Да нет, он тоже Стрелец или Овен? – нетерпеливо спросила она.

Когда она вышла, Игорь набрал на сотовом номер Турецкого.

– Это опять я. Тут у меня была сестра Артемова... Рассказала кое-что о его жене и охраннике, с которым, помнишь, она уехала с места гибели мужа? Я ее направил к тебе.

– Что-нибудь интересное? – недовольно спросил Турецкий. – Наверняка обвинила вдову, что та сама заказала своего мужа, чтобы вместе с любовником завладеть его имуществом.

– Как в воду, – признался Игорь. – Но я бы на твоём месте с ней пообщался.

– Неужто дал мой телефон? – уже сердито спросил Турецкий. – Старичок, я тебя сколько раз просил: сначала согласовываешь со мной, потом уже с моего разрешения... Ладно, черт с тобой, будут новости, звони.

Турецкий отключил трубку и уставился на стоявшего перед ним участкового Емельянова – полного, краснощекого, потеющего, с несколько выпученными глазами. Он постоянно снимал фуражку, чтобы вытереть под ней платком пот, потом снова ее надевал.

– Да снимите вы ее! – не выдержал Турецкий. – Я вам не генерал на плацу... И сядьте. Расслабьтесь, наконец. Еще раз, чтобы не забыть... Что вы установили?

Они находились в кабинете отсутствующего начальника местного отделения милиции – Турецкий, медэксперт Володя Бугаев, дознаватель здешнего отделения Тихомиров, ведущий свои записи, а также участковый Емельянов, тоже потеющий от напряжения и перед столь известным следователем.

– Ничего, – пожал тот плечами. – Обошли все дома и квартиры возле школы. – Никто ничего не видел и не слышал.

– Все-таки, может, были граждане, которые не спали в ту ночь? – спросил Турецкий. – Или таких на вашем участке нет? Все спят после отбоя?

– Были, – кивнул Емельянов. – Такие всегда есть.

И громко вздохнул, как если бы сам не спал по ночам.

– Ну и?.. И что они показали?

– Что они покажут?.. – пожал плечами Емельянов. – У окна не сидели. А которые сидели, ничего подозрительного в два ночи не заметили.

– Ну, это мы сами будем судить – подозрительно или нет, – поморщился Турецкий. – Что они вообще увидели в такое-то время, когда все должны бы спать, вы спросили? Какие-то люди, машины...

– Ничего, вот только бабка у Зиновьевых, та каждую ночь у окна сидит, говорит, будто видела, вроде милицейский «уазик» с синими фонарями проезжал и остановился возле школы... А больше она его не видела. Патруль, наверно... И еще охранник магазина недалеко от школы вроде слышал шум мотора, примерно в то же время. А может, говорит, и приснилось.

– Выстрела они случайно не слышали?

– Откуда? Она глуха как пробка, еле докричался... А он спросонья не помнит ничего.

Турецкий кивнул. Похоже, тянем пустышку, подумал он. Один свидетель только видел, другой – только слышал.

– Вы свободны, – сказал он участковому. – И все-таки... Если что-то еще узнаете или услышите... Осведомители, кстати, ваши, если они у вас есть, ничего не говорят?

– Они-то есть, только что они скажут, – развел руками участковый. – Это ж профессионалы работали... Откуда у нас таким стрелкам взяться? Я всех пересмотрел на своем участке, кто прежде служил или воевал... Снайперов в помине нету.

– Хорошо, – кивнул Турецкий. – Спасибо, вы свободны... Все-таки проверьте на всякий случай, что за милицейский «уазик» проезжал в это время, – сказал он дознавателю, когда

участковый вышел. – Это же ваш участок. Есть, наверно, график милицейского патрулирования, маршруты следования, или был вызов?..

– Уже проверяли по нашему отделению, – поднял голову от бумаг дознаватель Тихомиров, молодой парень, видно недавно переведенный с оперативной работы. – Никаких вызовов у нас не было, дежурный наряд с машиной в это время был на месте. Вполне могла проехать какая-то другая машина.

– Ладно, попробуем сами узнать... – сказал Турецкий. – Если только машина найдется, позвоните мне, а сами посмотрите пол в кабине. Вдруг найдутся отпечатки обуви, тогда их сравним с теми, что были в вестибюле и на лестнице в школе...

Турецкий набрал номер Вячеслава Ивановича Грязнова, начальника МУРа.

– Слава, привет, это я...

– Здорово, Саня... Что-то стряслось? Голос у тебя озабоченный.

– Ну, ты слыхал, наверно, про депутата Кольчугина? Так вот прошлой ночью еще одного пришили. Ты не в курсе?

– В курсе... А на тебя, значит, и этого повесили? – хмыкнул Грязнов. – Бывает. Ну а от нас какая помощь нужна? Где это хоть случилось?

– Мне нужно не про последнего, мне про того, которого два дня назад возле «Золотой львицы» шлепнули. Так вот, есть свидетельства, что в момент убийства там, возле школы, проезжал милицейский «уазик».

– И что?

– Не мог бы ты по своим каналам узнать, не пролегал ли маршрут милицейской машины в районе казино «Золотая львица», что возле Беговой, позавчера, в районе двух-трех часов ночи? Наш запрос мы оформим, не беспокойся.

– Ну да, начальство повесило на тебя, а ты решил перевесить на меня? – развеселился Вячеслав Иванович. Похоже, он был в хорошем настроении. – Костя, кстати, мне недавно звонил по этому же поводу. Мол, уже достал по самое никуда этот депутат вашего генерального, и требует помочь. И тоже обещал прислать официальную бумагу. Так их две будет?

– Одна. Слав, узнай, а? Только побыстрее, хорошо, не жди запросов! Никаких зацепок, понимаешь?

– Поищем, раз надо... Сам-то как? Семья, работа, все нормально?

Переговорив с Грязновым, Турецкий набрал сотовый номер Кольчугина.

– Петр Авдеевич? Это следователь Турецкий, здравствуйте... Вы так и не пришли ко мне, хотя и обещали...

– Ну... не мог я! – хрипло сказал Кольчугин. – Заболел, ей-богу, от того, что творится в нашем дурдоме под названием Дума... Давление подскочило, всю ночь не спал... А сейчас я, извини, сижу на поминках по Сереже Артемову, который был мне, как сын... – Он тяжело вздохнул. – Завтра – я твой. В смысле, к вашим услугам... Да, ты хоть слышал, что творится? Генку Афанасьева тоже пристрелили прямо на зоне! Я так и буду теперь – с поминок на поминки мотаться, пока вы там возитесь?

– Только спокойно, – сказал Турецкий. – Скажите еще, что я специально затягиваю расследование.

– А как же?.. – хмыкнул Кольчугин. – И скажу! Ко мне уже люди боятся идти в помощники, ты можешь это понять! Мне скоро работать будет не с кем. Вокруг меня, как успел написать Залогин в своей газетенке, уже вакуум образовался! Этак скоро и до меня доберутся, а?

– Тем более нам давно пора пообщаться! – сказал Турецкий. – Пока не добрались. Скажем, сегодня в семнадцать.

– Но у меня после поминок опять пленарное заседание! – взмолился Кольчугин. – Я уже выступление подготовил по поводу состава нового правительства. И потом будет голосование.

А на послезавтра специальное заседание по коррупции в стране. Я тоже собираюсь выступить от нашего комитета.

– Подумаешь, проблема! За вас члены фракции проголосуют, – спокойно сказал Турецкий. – И за вас скажут. Я наблюдал как-то по телевизору эти тараканьи бега, когда депутаты голосовали за отсутствующих коллег. Ничего. Вот пусть проголосуют и за вас... Это – для вашей же безопасности, мы ведь должны как можно скорее вычислить этого стрелка.

– Думаешь, это тот же Генку застрелил? – серьезно спросил Кольчугин.

– Поговорим у меня в кабинете, – сказал Турецкий. – До встречи.

8

Кольчугин отключил свой сотовый и посмотрел на своего пресс-секретаря Соломина и вдову Артемова Тамару, сидевших за поминальным столом, где после похорон Сергея Артемова собрались самые близкие покойному люди. Потом перевел взгляд на замерших гостей, которые прислушивались к его разговору. Поминки происходили в гостиной дома Артемовых.

– Сами видите, что творится... – прокашлялся Кольчугин и встал с рюмкой в руке. – Убивают моих мальчиков, подававших надежды как выдающиеся бизнесмены и политики новой России! Теперь вот и Гена Афанасьев... Скоро привезут его тело в цинковом гробу, и снова соберемся по печальному поводу. Сначала парня несправедливо засудили, теперь вот застрелили прямо на зоне... Один ты, Андрюша, у меня остался! – Он выставил руку в сторону Соломина. – И потому держу тебя все время при себе, думая, быть может наивно, что при мне, народном депутате, они не посмеют!

Он всхлипнул, махнул рукой, сел, потом снова поспешно вскочил.

– Так выпьем за то, чтобы больше не убивали наших соколов! Чтобы мы их защитили! И клянусь, что сделаю все, что в моих силах...

Он поднял рюмку над головой, как бы отсалютовав присутствующим, потом опрокинул ее в рот.

Артист, подумал Соломин, взглянув на сидевшую рядом Тамару. Тоже – артистка. Траур ей удивительно шел, вдова была возмутительно хороша, притягивая к себе невольные взгляды присутствующих – нескромные мужские и завистливые женские. Она весь день молчала, не поднимая глаз и не проронив ни слезинки. О чем она думает, что собирается делать, как поступать?..

Соломин перевел взгляд на ее золовку Елену, пытливо посматривающую то на охранника Пашу, то на свою вдовствующую невестку... Что-то между ними происходит, подумал Соломин. Что-то эта Елена знает...

Он услышал новую трель сотового в кармане шефа, перевел на него взгляд.

– Ну не дадут спокойно посидеть... – проворчал Кольчугин и протянул Соломину трубку. – Андрюш, выйди, скажи, только повежливее... Мол, сейчас очень занят, своего любимого друга и сына, можно сказать, только что схоронил.

Соломин кивнул, быстро поднялся на второй этаж, прислушиваясь к продолжающимся звонкам.

– Да? – спросил он.

– Андрюша, здравствуй, дорогой! – послышался знакомый добродушный голос.

– Здравствуйте, Рустам Ибрагимович, – сказал Соломин.

– Видишь, ты уже по голосу стал меня узнавать, хотя звоню по номеру твоего шефа! Опять он у тебя занят, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.